

тема номера

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

М.В. ЖИЖИНА

Экспертиза в судопроизводстве:
проблемы и реалии
сегодняшнего дня

Именно компетентность является основным условием назначения экспертизы конкретному эксперту. Она заключается в практической способности к решению экспертных задач, включающей применение конкретных методов и средств в рамках соответствующей экспертной специальности.

Представляется, что оптимальным решением проблемы выбора в качестве эксперта по делу действительно компетентного специалиста будет отказ от формального подхода и более внимательное отношение к профессиональным качествам и навыкам потенциального эксперта.

Некоторые проблемы
оценки заключения
судебной экспертизы
судом

10

Судебно-психиатрическая
экспертиза лиц,
страдающих временным
психическим расстройством

24

Судебные экспертизы
по спорам, вытекающим
из договоров страхования
транспортных средств

35

Обзор правовых позиций
Верховного Суда
Российской Федерации
по кредитным спорам

50

Судья

февраль | 2021

УЧРЕДИТЕЛИ

Верховный Суд
Российской Федерации

Конституционный Суд
Российской Федерации

Совет судей
Российской Федерации

Судебный департамент
при Верховном Суде
Российской Федерации

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Бондар
М.И. Клеандров
Н.В. Мельников
В.В. Момотов
П.П. Одинцов
П.П. Серков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.В. Зиятдинов
А.С. Лацейко
О.С. Ноговицына
Е.А. Поворова

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.Ж. Малышева

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Е.А. Поворова

ДИРЕКТОР РЕДАКЦИИ

Д.Ю. Давыдов

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Ю.А. Дарымова

РЕДАКТОР

Е.А. Ловягина

КОРРЕКТОР

Т.А. Казакова

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА

О.Ю. Гранкин

ЖУРНАЛ «СУДЬЯ» № 2 [122] 2020
СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СМИ
ПИ № ФС 77-36367 от 19.05.2009 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

РЕДАКЦИЯ И ИЗДАТЕЛЬ

АНО Редакция журнала «Судья»
123242, г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8, стр. 4. Тел.: +7 (499) 350-0015
info@zhurnalsudya.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ

107031, г. Москва,
Страстной бульвар, 14/16, подъезд 3

ОТПЕЧАТАНО

ООО «Кризэйженс»
125040, г. Москва, ул. Скаковая,
д. 5, стр. 1

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ
11.02.2021 г.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

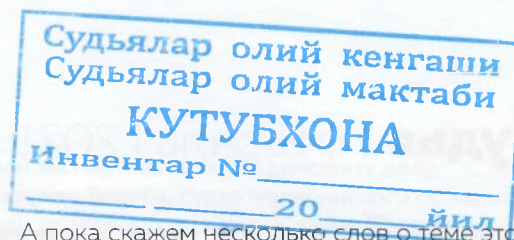
Формат 60×84/8. Гарнитура Muller
Усл.-печ. л. 8,0. Печать офсетная
Тираж 3700 экз. Заказ № 122-0221

© РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СУДЬЯ», 2021

Редакция не несет ответственности
за достоверность информации,
содержащейся в рекламных объявлениях
и авторских материалах. Мнение
редакции может не совпадать с точкой
зрения авторов. Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ

Управление по взаимодействию
с общественностью и СМИ
Верховного Суда РФ (А.Ю. Исаев),
Фотобанк Лори,
М. Ульрих (обложка)

В начале февраля в Москве состоялось ежегодное совещание председателей верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономных округов, окружных военных судов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации, апелляционных арбитражных судов округов и Суда по интеллектуальным правам.

С приветственным словом перед участниками совещания выступил Президент России В.В. Путин. Он поблагодарил российских судей за то, что в тяжелых условиях пандемии судебная система страны не перешла в «режим торможения», а, напротив, повысила свою эффективность и даже рассмотрела больше дел, чем в предшествующем году. А затем, сославшись на отчет Европейской комиссии, согласно которому российские суды продемонстрировали одни из лучших показателей среди стран Совета Европы, отметил, что высокое качество российского правосудия – это не только наша оценка.

Председатель Верховного Суда России В.М. Лебедев подвел итоги работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2020 г. и предложил участникам совещания обсудить ряд задач, которые предстоит решать в 2021 году.

Заместители Председателя Верховного Суда представили участникам совещания свои профильные доклады. Ю.В. Глазов и С.В. Рудаков осветили темы «Актуальные вопросы гражданского судопроизводства» и «О практике привлечения судей к дисциплинарной ответственности». Т.А. Петрова рассказала об итогах работы судов по административным делам и делам об административных правонарушениях. В.А. Давыдов и И.Л. Подносова уделили внимание современным проблемам применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства и состоянию экономического правосудия на данном этапе развития судебной системы. И в завершение В.В. Хомчик подвел итоги работы военных судов за 2020 г. и обозначил направления работы и развития военных судов в 2021 году.

Мы планируем опубликовать вышеназванные доклады в ближайших номерах журнала.

А пока скажем несколько слов о теме этого номера – «Судебная экспертиза».

В огромном количестве случаев установить истину в ходе современного судебного разбирательства оказывается невозможно без помощи экспертов и специалистов. По мере усложнения жизни рассмотрение дел в судах все чаще требует обращения к специальным неюридическим знаниям, а потому ошибки или недобросовестность эксперта могут сыграть роковую роль в отправлении правосудия.

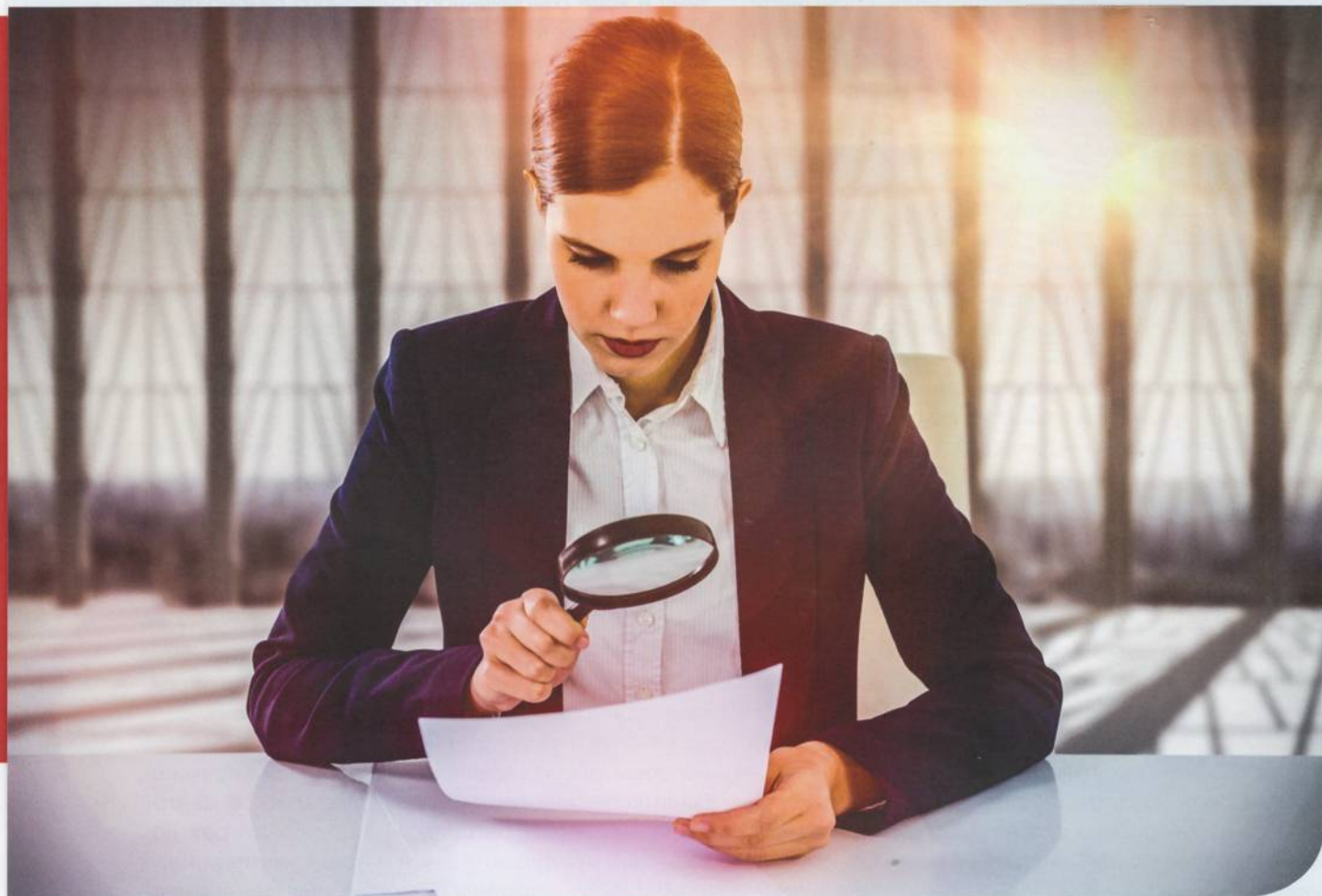
К сожалению, не все экспертные заключения выполняются на должном уровне. Виною тому может быть недостаточная компетентность специалистов, методическая неопределенность, недостаточный контроль за деятельностью негосударственных экспертов и даже, увы, пренебрежение экспертом своим долгом в корыстных целях. О многих этих проблемах и о способах их преодоления рассуждают в этом номере журнала наши авторы. Отметим, что в целом они очень высоко оценивают уровень работы российских судебных экспертов, например вот так: «Теоретическое состояние отечественной судебной экспертизы вызывает исключительное чувство гордости и морального удовлетворения».

В конце января в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) прошла VIII Международная научно-практическая конференция «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». Многие вопросы, обсуждаемые участниками конференции, были созвучны тем, которые оказались в центре внимания наших авторов. И это лишний раз доказывает, что судьи, ученые и представители иных юридических профессий размышляют примерно над одними и теми же вопросами, такими как практика назначения экспертизы в гражданском, уголовном и арбитражном процессе, особенности проведения судебно-психиатрической экспертизы и определение требований к технической экспертизе транспортных средств. Мы надеемся, что тема судебной экспертизы будет продолжена в самое ближайшее время, и ждем от вас новых статей по этой проблематике.

Судья | февраль | 2021

Судебная экспертиза

ОТ РЕДАКЦИИ

1

Высокое качество российского правосудия

ТЕМА НОМЕРА

4

Экспертиза в судопроизводстве: проблемы и реалии сегодняшнего дня. **Марина Владимировна Жижина**, профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России

10

Некоторые проблемы оценки заключения судебной экспертизы судом. **Елена Рафаиловна Россинская**, заведующая кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор Института судебных экспертиз, профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

ТЕМА НОМЕРА	17	Назначение судебной экспертизы по гражданскому делу. Станислав Владимирович Тетюев , судья Челябинского областного суда, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
	24	Судебно-психиатрическая экспертиза лиц, страдающих временным психическим расстройством. Александр Юрьевич Самодумов , судья Орловского областного суда
	29	Когда арбитражный суд должен назначить судебную экспертизу. Сергей Викторович Лазарев , судья, председатель судебного состава Арбитражного суда Уральского округа, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук
	35	Судебные экспертизы по спорам, вытекающим из договоров страхования транспортных средств. Андрей Евгеньевич Филиппов , судья Ростовского областного суда
	41	Эксперт и его роль в повышении эффективности отправления правосудия в суде с участием присяжных заседателей. Алексей Александрович Ильяхов , доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса Смоленского государственного университета, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Саратовской государственной юридической академии (Смоленский филиал), кандидат юридических наук; Марина Владимировна Курпас , судья Смоленского областного суда, кандидат юридических наук
	46	Вопросы для экспертизы по уголовным делам, связанным с оборотом порнографических материалов. Ольга Николаевна Ярошенко , судья Нижегородского областного суда, доцент, кандидат юридических наук
ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ	50	Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по кредитным спорам за первое полугодие 2020 года. Марек Викторович Петрухин , судья Муромского городского суда Владимирской области, кандидат юридических наук
КНИЖНАЯ ПОЛКА	54	«Правоотношение. Нравственность современного правового регулирования». Петр Павлович Серков , первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
БАНКРОТСТВО	55	Субсидиарная ответственность и наследство контролирующего должника лица. Петр Мечиславович Морхат , судья Арбитражного суда Московской области, доктор юридических наук
СУД И СМИ	61	Реализация Концепции информационной политики судебной системы в период пандемии. Гульнара Хамитовна Вяселева , заместитель руководителя пресс-службы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации

Экспертиза в судопроизводстве: проблемы и реалии сегодняшнего дня

Марина Владимировна Жижина

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кафедра криминалистики, профессор, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, главный научный сотрудник, доктор юридических наук
г. Москва, Россия

Аннотация. Судебная система продолжает сталкиваться с дефектами судебно-экспертной системы, напрямую отражающимися на реализации основных задач правосудия. Учитывая значимость вынесения правового и справедливого судебного решения, представляется, что сегодня основную работу по минимизации этих дефектов должны взять на себя именно судьи, тактически грамотно осуществляя судебные действия, связанные с назначением экспертизы и оценкой ее результатов.

Ключевые слова: назначение экспертизы, заключение эксперта, проблемы, пути решения, негосударственный эксперт

Expert examination in judicial proceedings: current problems and realities

Marina Vladimirovna Zhizhina, Moscow State Law University named after O.E.Kutaфин (MGUA), Criminalistics Department, Professor, Russian Federal Centre for Forensic Expert Examinations at the Ministry of Justice of the Russian Federation, Senior Research Fellow, Doctor of Laws, Moscow, Russia

Annotation. The judicial system continues to face defects of the forensic expert system, which have direct impact on how the main tasks of justice are fulfilled. Taking into consideration the importance of delivering legal and fair judgments, it appears that nowadays it is the judges who should take up the main workload in relation to minimizing those defects and perform tactically correct judicial acts when it comes to ordering expert examinations and assessing their results.

Keywords: ordering expert examinations, expert report, problems, solutions, non-governmental expert

Всем будущим юристам, обучающимся в профильных вузах, в процессе изучения науки криминалистики рассказывают о порядке назначения и производства экспертизы, ее возможностях и значении при расследовании преступлений и рассмотрении судебных дел. Со студенческой скамьи закладывается уверенность в прочных теоретических и методологических основах экспертологии, научной обоснованности результатов экспертных исследований. Действительно, усилиями наших предшественников и современников — ученых и практиков разработана мощная методическая база, включающая как традиционные, так и модельные, алгоритмизированные, компьютеризированные методики, практически полностью обеспечивающие потребности судебной и следственной практики. В целом теоретическое состояние отечественной судебной экспертизы вызывает исключительно чувство гордости и морального удовлетворения.

Однако эти высокие чувства исчезают, когда речь заходит о современной практике производства экспертизы. Перед нами совершенно иная картина.

Вспомним хотя бы получившее широкую общественную огласку дело «пьяного мальчика», о котором много говорилось в СМИ¹. По результатам судебно-медицинской экспертизы в крови шестилетнего мальчика было обнаружено 2,7 промилле алкоголя. Эксперт, проводивший исследование, грубо нарушил методику забора образцов, что привело его к даче ошибочного вывода. Но причина ошибки выяснилась только в рамках расследования уголовного дела, возбужденного уже в отношении эксперта по части 1 ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее — УК РФ). Подобное развитие ситуации и общее повышенное внимание к ней было следствием полной абсурдности экспертного вывода, заставившего усомниться в его корректности. Кстати говоря, такие ошибки судебных медиков не являются редкими, о чем свидетельствует возбуждение аналогичных дел в других регионах³. Экспертные ошибки

и недостоверные выводы могут не быть столь очевидными и вызывающими резонанс.

Так, обобщение и анализ заключений судебно-почерковедческих экспертиз, проведенных как государственными, так и — в гораздо большей степени — негосударственными экспертами, свидетельствует о том, что фундаментальные научные основы судебного почерковедения грубо подминаются, традиционная методика интерпретируется под обоснование нужного вывода, количественные методы и методики вообще не применяются. В итоге эксперт дает необоснованный, необъективный, недостоверный вывод, что влечет принятие неправоудного судебного решения. Ситуация крайне негативная и пугающая своими последствиями.

Таким образом, теория экспертизы и практика ее применения в настоящее время расходятся, и объединить их в силу объективных и субъективных причин пока не получается.

Об этих причинах, влияющих, конечно, не только на судебно-почерковедческую экспертизу, а на всю судебно-экспертную деятельность, неоднократно писали многие исследователи⁴, в том числе и автор настоящей статьи⁵. Основные из них следующие:

а) недостаточность профессиональной подготовки по экспертной специальности;

⁴ См.: Смирнова С.А. Организационно-тактические проблемы развития судебно-экспертной деятельности: по материалам Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002; Россинская Е.Р. Судебные экспертизы в гражданском и арбитражном процессе в контексте проблем унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 9–16; Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2017; и др.

⁵ См.: Жижина М.В. Проблема определения экспертного учреждения (эксперта) при назначении экспертизы в гражданском и арбитражном процессах // Арбитражные споры. 2016. № 2. С. 113–121; Она же. Унификация экспертного методического обеспечения как обязательная составляющая института судебной экспертизы в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. № 13 (2). С. 81–87; и др.

¹ См.: <https://www.gazeta.ru/social/2019/05/21/12367207.shtml>

² СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ См.: <https://lenta.ru/news/2019/11/14/malchik/>

заключение эксперта
назначение экспертизы
подготовка эксперта

- б) отсутствие контроля за деятельностью негосударственных экспертов;
- в) методическая неопределенность и ведомственная разобщенность;
- г) фактическое отсутствие у эксперта ответственности как за свою деятельность, так и за дачу заведомо ложного вывода.

Каждый из вышеперечисленных аспектов требует самостоятельного рассмотрения и дальнейшего урегулирования для вывода судебно-экспертной деятельности на иной уровень, соответствующий ее предназначению. Ключевым фактором при этом является фигура судебного эксперта.

Уже более 30 лет в нашей стране в качестве судебных экспертов могут выступать как работники государственных судебно-экспертных учреждений (далее – СЭУ) различной ведомственной принадлежности (ст. 11 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»⁶), так и негосударственные эксперты, сотрудники негосударственных экспертных учреждений или практикующие самостоятельно. Процессуальный статус государственного и негосударственного экспертов един.

Снятие государственной и ведомственной монополии с судебно-экспертной деятельности имело под собой объективные социально-экономические предпосылки, а также было направлено на оптимизацию судопроизводства в рамках судебной реформы. Основными задачами при этом были реализация состязательности сторон в процессе, сокращение сроков рассмотрения судебных дел и создание здоровой конкуренции среди экспертных структур, стимулирующих последние к повышению качества деятельности. Но эта инициатива легла на абсолютно неподготовленную почву. Не было создано условий для реализации негосударственной судебно-экспертной деятельности как участника судопроизводства, должного прежде всего способствовать правосудию.

Как показала практика функционирования института негосударственной экспертизы, она вполне сформировалась как бизнес-проект, целью которо-

го является получение прибыли. Очень многие случайные люди, далекие от экспертной деятельности, восприняли негосударственную экспертизу как бизнес-структуру, способную помочь заработать немалые деньги. Они взяли за основу ключевой принцип сферы оказания услуг – «клиент всегда прав».

Подтверждением вышесказанному является недавний случай из личной практики, связанной с рецензированием заключений судебно-почерковедческой экспертизы. К автору настоящей статьи обратился истец по делу, рассматриваемому в арбитражном суде Челябинска, с просьбой провести методический анализ заключения эксперта-почерковеда. Представленная на рецензирование экспертиза, проведенная в негосударственном экспертном учреждении, олицетворяет собой последнюю степень деградации отечественной судебно-экспертной деятельности.

Эксперт-почерковед, автор того творения, представлялся обладателем 11 высших образований, ни одно из которых не входило в утвержденный перечень специальностей и направлений подготовки высшего образования⁷. Наличие у него экспертных специальностей подтверждалось документом, выданным Китайской палатой международной торговли. Для проведения идентификационного почерковедческого исследования подписей эксперт использовал изобретенный им же авторский метод – «Алгоритм определения и распознавания фальсификации (подделки) документов», прямо противоречащий научным основам судебного почерковедения, который, естественно, привел автора к нужному ему выводу. Инструментальную базу того исследования составил также инновационный продукт – некий комплекс микроскопов, который, по словам самого автора-рационализатора, «объединяет все то, что нельзя совместить». Текст заключения вследствие невладения экспертом русским языком написан так, что смысл фраз даже не улавливается. Вдобавок ко всему эксперт уничтожил объекты почерковедческого исследования путем вытравли-

рецензирование заключений

инструментальная база

негосударственная экспертиза

⁶ Российская газета. 5 июня 2001 г.

⁷ См.: приказ Минобрнауки России от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» // Российская газета. 11 ноября 2013 г.

вания химическими реактивами, что при проведении судебно-почерковедческой экспертизы является абсолютным нонсенсом. В итоге в судебное дело представлено недостоверное и недопустимое доказательство, назначение повторной судебно-почерковедческой экспертизы невозможно вследствие утраты объекта. При этом суд первой инстанции, не усомнившись в достоверности и допустимости такого заключения эксперта, выстроил на нем судебное решение. Суды вышестоящих инстанций исправили эту судебную ошибку, отменив решение суда первой инстанции⁹.

Данный случай, к сожалению, не является исключением.

В связи с подобными историями возникает ряд вопросов:

1) как лицо, которое не в состоянии составить процессуальный документ «заключение эксперта» на русском языке, официальном языке судопроизводства, осуществляет судебно-экспертную деятельность в Российской Федерации?

2) как возможно при проведении судебной экспертизы применение каких-то «авторских» методов, прямо противоречащих научным основам экспертной отрасли?

3) какие последствия для эксперта повлекут проведение подобной экспертизы, дача недостоверного вывода, необоснованное уничтожение объектов исследования?

4) наконец, как лицу, не обладающему соответствующими специальными знаниями, была назначена судебная экспертиза по делу?

Список вопросов можно продолжать, ответы на них будут крайне неприятные: можно все и без каких-либо последствий. Подобные ситуации породило отсутствие законодательной регламентации и организационных начал негосударственной судебно-экспертной деятельности.

Однако сегодняшний день со своими проблемами вносит определенные коррективы в риторику всех и каждого. Можно долго возмущаться и негодовать по поводу вседозволенности, безнаказанности, низких моральных принципов

отдельных «экспертов» и т.п. Мы предпочтем конструктивный диалог с судебским сообществом через трибуну уважаемого журнала.

Решение первых трех вопросов из вышеприведенного списка должно носить системный характер и лежать в законодательной и организационно-управленческой плоскости федерального, регионального и ведомственного уровней. Для нас представляется принципиально важным обсуждение четвертого вопроса, касающегося решения проблемы выбора эксперта, — поручения судом экспертизы тому или иному специалисту.

В соответствии с действующим законодательством (ч. 3 ст. 82 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁹ (далее — АПК РФ); ч. 2 ст. 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹⁰ (далее — ГПК РФ); ч. 4 ст. 77 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации¹¹ (далее — КАС РФ)) на этапе назначения экспертизы кандидатуры потенциальных экспертов или экспертной организации предлагаются сторонами. Но окончательное решение по поводу того, кому будет поручена экспертиза по делу, принимает суд, указывая наименование СЭУ или фамилию, имя, отчество эксперта в своем акте (ч. 4 ст. 82 АПК РФ, ст. 80 ГПК РФ, ст. 78 КАС РФ). При этом он должен руководствоваться формальными критериями (сведениями об образовании, специальности¹²), но в первую очередь — компетентностью того специалиста, который будет выступать в качестве эксперта.

Именно компетентность является основным условием назначения экспертизы конкретному эксперту. Она заключается в практической способности к решению экспертных задач, включающей применение конкретных методов и средств в рамках соответствующей экспертной специальности.

⁹ Российская газета. 27 июля 2002 г.

¹⁰ Российская газета. 20 ноября 2002 г.

¹¹ Российская газета. 11 марта 2015 г.

¹² См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

⁹ См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 2 декабря 2019 г. № Ф09-1261/18 по делу № А76-15859/2016 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

На сегодняшний день должный уровень компетентности обеспечивается только в отношении государственных экспертов отлаженной системой подготовки, переподготовки и систематическим контролем за их профессиональной квалификацией¹³. Например, программа подготовки эксперта СЭУ Министерства юстиции Российской Федерации включает как изучение теоретических и методических основ судебной экспертизы и конкретного рода (вида) экспертизы, методик, применяемых при производстве экспертиз по конкретной экспертной специальности, так и производство экспертиз совместно с высококвалифицированным наставником. Повышение квалификации экспертов осуществляется путем проведения стажировок по освоению новых методик и методов экспертного исследования и проводится в государственном СЭУ, имеющем высококвалифицированных специалистов и располагающем необходимой приборной базой; посредством курсов, постоянно действующих семинаров по изучению новых методических разработок, различных вопросов организации и производства конкретных родов (видов) экспертиз, а также нормативных документов. Уровень профессиональной подготовки экспертов контролируется каждые пять лет экспертно-квалификационными комиссиями, подтверждающими право самостоятельного производства экспертизы данным лицом. Все вышеперечисленное способствует поддержанию соответствующего уровня квалификации государственных экспертов, что отражается на качестве проводимых ими исследований.

«Доброкачество» экспертных заключений в государственных СЭУ обеспечивается также системой организации текущей экспертной деятельности и контроля за ней. Она включает распре-

деление экспертиз руководителем структурного подразделения с учетом уровня их сложности, стажа и квалификации каждого эксперта, в соответствующих случаях возможность обеспечения комиссионного производства экспертизы, контроль за качеством каждой экспертизы, правильностью применения методики и данного вывода со стороны руководителя структурного подразделения.

В качестве негосударственных экспертов, как правило, осуществляют деятельность лица, являющиеся специалистами в различных востребованных экспертной практикой областях науки и техники, зачастую бывшие государственные эксперты, уволившиеся или вышедшие на пенсию, иногда имеющие большой стаж работы по специальности, либо вчерашние студенты различных вузов. Уровень их компетентности установить представляется весьма затруднительным.

Законодательно предписанного порядка подготовки, повышения квалификации, проведения аттестации и переаттестации негосударственных экспертов нет. Вместе с тем у них также имеется возможность подтвердить свою компетентность путем прохождения процедуры добровольной сертификации¹⁴. Таким образом, негосударственный эксперт может подтвердить соответствие своих знаний, умений и навыков требованиям, предъявляемым программами подготовки по конкретным экспертным специальностям, получением отдельного документа – сертификата соответствия. Пройти данную процедуру возможно как в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России¹⁵, так и в различных негосударственных структурах – всевозможных СРО, АНО и палатах. Как показывает практика рецензирования заключений судебно-почерковедческой экспертизы, проведенных негосударственными экспертами, в большинстве своем они предпочитают проходить сертификацию именно в по-

¹³ См., например: приказы Минюста России от 7 октября 2014 г. № 207 «Об утверждении Положения об аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы экспертов федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 24 октября 2014 г., МВД России от 9 января 2013 г. № 2 «Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России» // Российская газета. 8 мая 2013 г.

¹⁴ См.: Положение о регистрации системы добровольной сертификации, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 января 2004 г. № 32 // СЗ РФ. 2004. № 5. Ст. 371.

¹⁵ См.: Правила функционирования системы добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы, утв. ГУ РФЦСЭ при Минюсте России 27 декабря 2004 г. // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

экспертная специализация
производство экспертизы
сертификат соответствия

добных учреждениях. Возникает вопрос: в чем причина такого выбора?

Анализ сайтов отдельных негосударственных структур, оказывающих услуги по сертификации экспертов, сразу проясняет ситуацию: для получения сертификата соответствия необходимо только внести плату, в лучшем случае еще предлагается пройти дистанционное онлайн-обучение. При этом процедура сертификации экспертов, проводимая в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, включает очное обучение по программам подготовки по экспертным специальностям, рецензирование заключений, подготовленных соискателем сертификата, прохождение им испытания (экзамена). Можно констатировать, что ее результаты подтверждают действительное владение экспертной специальностью.

К сожалению, отсутствует и систематический контроль за текущей профессиональной деятельностью негосударственных экспертов. Как правило, современная негосударственная экспертная организация выглядит следующим образом: по мере поступления заказов ее менеджер привлекает соответствующих специалистов для разового оказания услуг. Для крепкого профессионала, обладающего должной компетенцией, подобные условия трудовой деятельности вполне приемлемы. Однако для начинающего, еще не сформировавшегося специалиста такое варение в собственном соку, без помощи опытных наставников, постоянного контроля за деятельностью и ее результатами недопустимо. Для формирования полноценного эксперта необходима постоянная трудовая деятельность в коллективе профессионалов одной экспертной специальности в течение нескольких лет, в условиях же профессиональной изоляции становление квалифицированного эксперта не может состояться.

В то же время какая-либо ответственность за экспертную деятельность и ее результаты у самих негосударственных экспертов фактически отсутствует. Дисциплинарную ответственность они не несут, а статья 307 УК РФ давно перестала реально работать в силу особенностей доказывания субъективной стороны. Таким образом, никакого механизма сдерживающего негосударственного эксперта от злоупотреблений, нет.

Конечно, все вышеперечисленные проблемы и недостатки, которыми сегодня переполнена судебная экспертная деятельность, нуждаются в решении. Необходимы как законодательная регламентация, так и меры организационного порядка в виде реструктуризации и унификации судебной экспертной деятельности с усилением государственного контроля, которые, хочется надеяться, будут приняты в обозримом будущем.

Пока же мы предлагаем действовать по принципу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

В рассматриваемом нами аспекте очень многое зависит от вас, уважаемые судьи.

Нам представляется, что оптимальным решением проблемы выбора в качестве эксперта по делу действительно компетентного специалиста будет отказ от формального подхода и более внимательное отношение к профессиональным качествам и навыкам потенциального эксперта.

При этом считаем возможным рекомендовать критически подходить к всевозможным дипломам и сертификатам с точки зрения источника их происхождения. Немаловажный фактор — стаж и место работы по экспертной специальности в качестве государственного эксперта. Также следует учитывать результаты деятельности специалиста в качестве эксперта по иным судебным делам: если постоянно встречаются противоположные выводы повторных экспертиз, проведенных в государственных СЭУ, есть основания усомниться в компетентности эксперта, проводящего первичные экспертизы.

Хочется напомнить, что недостоверное заключение в лучшем случае влечет затягивание процессуальных сроков рассмотрения дела, несение излишних материальных расходов на проведение повторных экспертиз, а в худшем — вынесение неправосудных судебных решений. Как отмечают исследователи, некачественные экспертные заключения негосударственных экспертов приводили и к необоснованному привлечению к уголовной ответственности¹⁶.

¹⁶ См.: Куровская Л.Н., Тимошенко А.А. Системные проблемы организации негосударственной судебной экспертной деятельности // Законность. 2015. № 9. С. 55–59.

Некоторые
определенно
судебная
модус

Вопросы
исследования
судебной
экспертизы
и экспертизы
судебной
экспертизы
и экспертизы

повторная экспертиза
недостоверное заключение
подготовка экспертов

Некоторые проблемы оценки заключения судебной экспертизы судом

Елена Рафаиловна Россинская

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующая кафедрой судебных экспертиз, Институт судебных экспертиз, директор, профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены особенности оценки заключения судебной экспертизы судом, в частности оценки компетенции эксперта, допустимости и доброкачественности образцов для сравнительного исследования, научной обоснованности примененных методик. Также уделено внимание помощи специалиста в оценке заключения эксперта по существу.

Ключевые слова: заключение эксперта, оценка заключения эксперта, экспертная методика, компетенция эксперта, специалист

Certain issues of assessing forensic expert reports by courts

Elena Rafailovna Rossinskaya, Moscow State Law University named after O.E.Kutaфин (MGUA), Head of Forensic Expert Examinations Department, Institute of Forensic Expert Examinations, Director, Professor, Doctor of Laws, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Moscow, Russia

Annotation. The article deals with particularities of assessing forensic expert reports by courts, in particular, assessing experts' competencies, the admissibility and soundness of samples obtained for comparative examination, and the scientific validity of the methods applied. It also pays attention to the assistance of a specialist in assessing expert reports in substance.

Keywords: expert report, assessing expert reports, expert method, experts' competencies, specialist

Известно, что под оценкой заключения судебного эксперта понимают процесс установления достоверности, относимости и допустимости заключения, определения форм и путей его использования в доказывании. Рассматривая дело судья (суд), руководствуясь законом, оценивает заключение по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности. Подчеркнем, что заключение эксперта не является особым доказательством и оценивается по общим правилам оценки доказательств (ст. 88 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ); ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – ГПК РФ); ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее – АПК РФ); ст. 84 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации⁴ (далее – КАС РФ)). Тем не менее к оценке этого доказательства требуется специфический подход, поскольку оно получено с использованием специальных знаний, которыми судья по общему правилу не располагает. Заметим также, что процессуальная процедура получения этого доказательства после назначения судебной экспертизы осуществляется не субъектами, ее назначившими, в связи с чем обязанностью последних является проверка соблюдения этой процедуры. Попробуем структурировать процесс оценки, рассмотрев его в виде ряда последовательных стадий.

1. Обладает ли судебный эксперт, выполнивший экспертизу, необходимой компетенцией? Не подлежит ли он отводу?

Компетенция эксперта может рассматриваться в двух аспектах⁵. Во-пер-

вых, это круг полномочий, прав и обязанностей эксперта, которые определены процессуальными кодексами. Во-вторых, это комплекс знаний в области теории, методики и практики судебной экспертизы определенного рода, вида. Различают объективную компетенцию, т.е. объем знаний, которыми должен владеть эксперт, и субъективную – степень, в которой конкретный эксперт владеет этими знаниями. Субъективную компетенцию часто называют компетентностью эксперта. Она определяется его образовательным уровнем, специальной экспертной подготовкой, стажем экспертной работы, опытом в решении аналогичных экспертных задач, индивидуальными способностями. Согласно статье 13 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»⁶ компетентность государственного судебного эксперта проверяется и удостоверяется экспертно-квалификационными комиссиями. Недостаточная компетентность или полное ее отсутствие является основанием для отвода эксперта только в уголовном процессе (п. 3 ч. 2 ст. 70 УПК РФ). В других кодифицированных законах норма об отводе эксперта в случае, если обнаружится его некомпетентность, отсутствует. Причем ряд ученых-процессуалистов, например авторы комментария к АПК РФ 2007 г., полагают, что это обоснованно, поскольку даже если лицо, которое не обладает специальными знаниями, будет призвано в качестве эксперта, оно вряд ли сможет представить суду квалифицированное заключение. Кроме того, заключение эксперта как одно из доказательств подлежит оценке наряду с другими доказательствами и не будет принято судом при его недостаточной обоснованности – тогда может быть назначена повторная экспертиза. Эти ученые уповают на то, что эксперт сам откажется от дачи заключения, если не обладает необходимыми знаниями⁷.

¹ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

³ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁴ СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁵ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2016. С. 131.

⁶ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

⁷ Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Жуйкова, М.К. Треушников. М., 2007. С. 340–346.

компетенция эксперта

основание отвода эксперта

квалифицированное заключение

Противоположной точки зрения, которую полностью разделяем и мы, придерживаются авторы комментариев к АПК РФ 2003 г.⁸ Так, если некомпетентность эксперта обнаруживается еще на начальном этапе, при назначении экспертизы, должна быть обеспечена возможность его отвода⁹. Ведь вопрос о том, насколько квалифицированно составлено заключение, весьма сложен: судьи не обладают специальными знаниями и им трудно глубоко разобраться в экспертных технологиях, особенно в условиях того, что экспертные методики все усложняются. Что касается отказа эксперта от производства экспертизы, то он может добросовестно заблуждаться и не видеть своих ошибок.

Заключение эксперта не является особым доказательством и оценивается по общим правилам оценки доказательств

Если у эксперта есть высшее образование по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» и квалификация «Судебный эксперт», что подтверждается соответствующим дипломом, или если эксперт является сотрудником государственного судебно-экспертного учреждения (далее – СЭУ), что подтверждается квалификационным свидетельством на право производства экспертиз того или иного рода, его компетентность, как правило, не вызывает сомнений. Однако и здесь возможны проблемы.

Так, М.Е. Зимина, окончившая в 2010 году МГЮА по специальности «Судебная экспертиза», специализация «Судебные экономические экспертизы», произвела по постановлению следователя судебную почерковедческую экспертизу, результаты которой вызвали сомнение у защитника.

М.Е. Зимина была вызвана в судебное заседание для допроса, где в качестве обоснования своей компетенции предъявила диплом МГЮА, в котором специализация, однако, не указана. Изучение приложения к диплому показало, что она не имела компетенции по производству почерковедческой экспертизы, поскольку в ее специализации эта дисциплина не изучалась¹⁰.

Наибольшие трудности вызывает оценка компетентности негосударственных экспертов (сотрудников негосударственных экспертных организаций или частных экспертов). Правовой статус негосударственного экспертного учреждения (организации) нормативно практически не урегулирован. Поэтому судьям зачастую непросто отграничить негосударственное СЭУ, где, согласно уставу, судебно-экспертная деятельность является основной, от организации, которая рекламирует себя как экспертная. Между тем выбор последней может привести к грубым процессуальным, гносеологическим и деятельностным экспертным ошибкам.

Например, фирмы, занимающиеся аудиторской и оценочной деятельностью, позиционируют себя как СЭУ, а заключения в таких организациях выполняются как отчеты об оценке и часто не содержат ни исследовательской, ни синтезирующей части ссылок на методики исследования. Более того, нередки случаи, когда руководитель сам утверждает заключение и подписывает его вместо экспертов¹¹.

Компетенция сотрудников негосударственных экспертных учреждений и частных экспертов подтверждается путем их добровольной сертификации, например после получения дополнительного образования по конкретному роду (виду) судебной экспертизы. Но здесь важно, в какой организации осуществляется эта переподготовка. Так, обучение может проходить в Рос-

⁸ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. М.С. Шакарян. М., 2003. С. 54–55.

⁹ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. М., 2014. С. 86–87.

¹⁰ Во всех примерах судебных дел фамилии и наименования юридических лиц изменены, поскольку далеко не все дела закончены производством.

¹¹ См.: Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2015. С. 18–19.

сийском федеральном центре судебных экспертиз (РФЦСЭ) при Минюсте России и региональных центрах судебных экспертиз этого же ведомства; в **вузах**, где ведется подготовка студентов по специальности «Судебная экспертиза» в рамках первого высшего образования, например в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Саратовской государственной юридической академии и др.; в некоторых негосударственных судебно-экспертных организациях, легитимность которых общепризнана, например НП «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова» (СУДЭКС), которая в 2008 году была учреждена государственными СЭУ Минюста и Минздрава России.

Однако за последние 20 лет в ответ на потребности практики в различных регионах страны были зарегистрированы десятки юридических лиц различной организационно-правовой формы, в учредительных документах которых среди многообразных видов деятельности упоминается и производство судебных экспертиз. Массированная, а нередко и агрессивная самореклама различных коммерческих и некоммерческих организаций создает немалые трудности для судей в оценке качества заключений экспертов, которое мало связано с информацией, представленной на сайтах, хотя именно оттуда зачастую берутся сведения о статусе организации, ее надежности как СЭУ, компетентности работающих там судебных экспертов и вообще их наличии. Во многих случаях сайт — это не более чем красивая витрина, за которой нет никакого реального содержания. Организация декларирует производство практически всех видов судебных экспертиз, переписывая предмет и задачи экспертиз из учебников. В качестве примеров собственной деятельности приводятся тексты экспертных заключений, выполненных известными специалистами, не имеющими никакого отношения к данной организации. Предприимчивые менеджеры арендуют помещение у известной юридической фирмы и используют в своем названии или указании адреса ее наименование и реквизиты.

Следует подчеркнуть, что наряду с производством судебных экспертиз подобные организации занимаются чем угодно, а руководят ими люди, весьма далекие от судебной экспертизы и юриспруденции вообще. Часто экспертизы оформляются как отчеты о проделанной работе, не содержат исследовательской и синтезирующей части, ссылок на методики исследования. Более того, как мы уже упоминали, порой руководитель сам утверждает заключение и подписывает его вместо экспертов. Эти же организации легко получают разрешения на осуществление дополнительного образования судебных экспертов, формируют собственные реестры и выдают свидетельства на право производства судебных экспертиз, как правило, ничем не подкрепленные.

Так, недавно автору этих строк привелось выступить в одном из судов г. Москвы в качестве специалиста по уголовному делу, где была произведена судебная компьютерно-техническая экспертиза. Изучение компетенции эксперта, который к тому же являлся руководителем собственной судебно-экспертной фирмы и имел выданный этой фирмой сертификат, показало: он, согласно диплому о высшем образовании, экономист-менеджер. В своей фирме получил разрешение на реализацию программы дополнительного образования по специальности «Судебная компьютерно-техническая экспертиза», прошел обучение, которое сам и вел, создал аттестационную комиссию, которую и возглавил, принял экзамен и выдал себе сертификат, который сам и подписал. В результате некомпетентности этого «эксперта» в находящуюся на сервере информацию, необходимую для производства судебной экономической экспертизы, были внесены неустранимые изменения, которые в дальнейшем привели к признанию судебно-экономической экспертизы недопустимым доказательством.

Полагаем, что для решения проблем, связанных с компетенцией негосударственных судебных экспертов, необходима в первую очередь законодательная регламентация не-

оформление экспертизы
негосударственные эксперты
дополнительное образование

сударственной судебно-экспертной деятельности, определение на уровне закона правового статуса негосударственных СЭУ и их организации, прав, обязанностей и ответственности руководителя, порядка определения компетенции судебных экспертов¹².

2. Являются ли подлинными вещественные доказательства и образцы, пригодны и достаточны ли они для проведения исследований и дачи экспертного заключения?

Пригодность и достаточность образцов для исследования определяется через призму используемых экспертных методик. Напомним, что в зависимости от времени и условий их возникновения образцы для сравнительного исследования принято подразделять на свободные, экспериментальные и условно-свободные¹³. Норма, посвященная получению образцов для сравнительного исследования, в АПК и КАС РФ отсутствует. В ГПК РФ регламентировано только

«Получение образцов почерка для сравнительного исследования документа и подписи на документе» (ст. 81), хотя в действительности существует огромное количество других образцов для сравнительного исследования.

Приведем несколько примеров, связанных с оценкой получения и легитимности образцов для сравнительного исследования.

По делу о спорном отцовстве для проведения генетической экспертизы на стерильные марлевые салфетки было нанесено по 1 мл жидкой крови ребенка и предполагаемого отца. Образцы упаковали в полиэтиленовые пакеты, а затем в бумажные конверты и через две недели направили на молекулярно-генетическую экспертизу. Однако такое изъятие образцов недопустимо, поскольку салфетки необходимо было сначала высушить и только затем упаковать в бумажные конверты. Хранение образцов практически жидкой крови в полиэтилене привело к их гниению, что сделало невозможным идентификационное исследование.

В другом деле, о возврате кредита, гражданин оспаривал подпись под договором. В суде у него были отобраны образцы подписи. Однако помощник судьи, которому было поручено присутствовать при изготовлении ответчиком образцов подписи, ненадолго отлучился. В результате эксперт заявил, что образцы подписи непригодны для исследования, поскольку выполнены с намеренными замедлениями движений и остановками пишущего прибора. Эксперт в порядке экспертной инициативы предложил суду использовать в качестве условно-свободных образцов подписи ответчика, содержащиеся в материалах дела, что позволило идентифицировать ответчика как исполнителя подписи.

3. Научна ли экспертная методика и правомерно ли ее применение в данном конкретном случае?

Оценка научной обоснованности экспертной методики и правомерности ее применения является весьма

¹² Россинская Е.Р. Современная судебно-экспертная деятельность и направления ее совершенствования // Закон. 2019. № 10. С. 31–42.

¹³ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Указ. соч. С. 93–95.

сложной задачей, поскольку судьи, как правило, не обладают необходимыми специальными знаниями. Проведение этой оценки предполагает ответы на следующие вопросы:

– имеется ли ссылка на типовую экспертную методику; кем она разработана и прошла ли апробацию; для каких объектов она предназначена; каковы граничные условия ее применения?

– при отсутствии методики на какую литературу ссылается эксперт?

– если эксперт сам разработал методику исследования для производства данной экспертизы, какие методические подходы им использованы, являются ли примененные методы допустимыми с точки зрения теории судебной экспертологии?

– использованы ли все рекомендованные для данного случая современной наукой и судебно-экспертной практикой методы и методики исследования; если нет, то почему не использованы?

– обоснованы ли выводы эксперта, имеется ли взаимосвязь и взаимообусловленность выводов и исследовательской части экспертного заключения; основаны ли категорические выводы эксперта на исследованиях с использованием экспертных методик или исключительно на предположениях и голословных умозаключениях?

Сведения о рекомендуемой методике экспертного исследования и возможных результатах ее применения судьи могут почерпнуть из многочисленной справочной и методической литературы¹⁴. Вместе с тем корпус этих текстов постоянно обновляется, а разработка и совершенствование научно-методического обеспечения экспертной практики приводит к тому, что новые методики зачастую противоречат ранее опубликованным. Все это существенно затрудняет оценку научной обоснованности и правомерности применения экспертной методики.

¹⁴ См., например: Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Указ. соч.; Судебная экспертиза в цивилистических процессах: монография / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2018.

Так, по делу об убийстве при вскрытии трупа из раны была извлечена микрочастица металла, предположительно обломок ножа – орудия преступления. При обыске у подозреваемого изъят нож, изучение которого показало, что он недавно подвергался заточке. Была назначена судебная металловедческая экспертиза, и на разрешение эксперту поставлен вопрос: одинаковы ли по составу микрочастица металла и материал ножа? Эксперт произвел спектральный анализ, установил, что и микрочастица, и клинок состоят из одних и тех же элементов, и сделал вывод, что орудием преступления являлся именно этот нож. Однако полученное доказательство противоречило другим достоверно установленным фактам. По ходатайству защиты в суд был приглашен специалист, который разъяснил, что аналогичный состав не является признаком, достаточным для идентификации ножа и частицы как целого и части, и указал на методику идентификации по тонкой кристаллической структуре металла, которая образуется при термообработке (закалке) стали клинка. Рентгеноструктурный анализ показал различие в кристаллической структуре ножа и микрочастицы, а значит, и невозможность того, что удар был нанесен данным ножом.

Кроме того, недопустимо использовать экспертные методики, разработанные для одного рода экспертизы, в исследовании объектов другого рода.

По делу о хищениях газа из трубопровода путем врезки и подключения самодельных горелок для определения объемов похищенного газа эксперт использовал методику по установлению температуры и времени нагрева металла по составу окислы и цветам побежалости. Но как показал специалист при допросе в суде, данная методика непригодна для исследования стальных труб, поскольку предназначена только для конструкций из железа, а окисление стали происходит совершенно иным образом.

Бывает и так, что в рамках моноэкспертизы или комплекса экспертиз

типовая методика

справочная литература

судебная экспертология

проводятся сложные исследования, когда результаты применения одной экспертной методики служат исходной посылкой для дальнейшего исследования. В таких случаях от правильного истолкования первичных результатов зависит направление последующей работы по выполнению экспертного задания и в конечном счете — окончательные выводы эксперта. Если все комплексное исследование проводится одним экспертом, то оценивается правильность использования результатов в последующем исследовании. Если же последующее исследование осуществляет другой эксперт, то оценивается сначала его интерпретация результатов предыдущего исследования, а уже затем — правильность их использования в собственном исследовании.

По делу о пожаре в универмаге в ходе комплексной экспертизы исследовались оплавленные медные провода. Эксперт-металловед сделал вывод, что причиной оплавления проводов явилось короткое замыкание, которое произошло до начала пожара. Основываясь на этом, пожарнотехнический эксперт заключил, что пожар возник из-за короткого замыкания в электропроводке. При оценке заключения эксперта судом с помощью специалиста было выявлено, что результаты исследования металловеда были интерпретированы неверно, необходимо было выявить наличие причинно-следственной связи между коротким замыканием в электропроводке и возникновением пожара.

4. Нужно ли обращаться к специалисту для оценки заключения эксперта по существу?

Специалист может оказать судье реальную помощь при оценке научной обоснованности и достоверности экспертного заключения в уголовном и арбитражном процессах¹⁵.

В административном судопроизводстве согласно части 1 ст. 50 КАС РФ специалист может давать пояснения и консультации, но, к сожалению, консультация специалиста не является доказательством, хотя устная консультация заносится в протокол судебного заседания, а письменная приобщается к административному делу. В гражданском процессе статья «Специалист» вообще отсутствует, хотя в статье 188 ГПК РФ указывается, что «суд может привлекать специалистов для получения консультаций, пояснений...». При этом неясно, рассматривает ли ГПК РФ консультацию специалиста как доказательство по делу, поскольку в статье 55 «Доказательства» консультация специалиста не упоминается, но в части 1 ст. 157 консультации и пояснения специалистов перечислены в ряду других доказательств по делу.

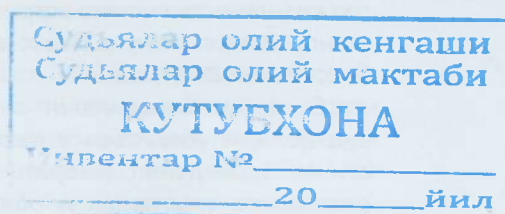
В рамках оказания помощи в оценке заключения эксперта специалист может указать на достаточность объектов и образцов для сравнительного исследования для дачи заключения; оценить методы, использованные при производстве судебной экспертизы, оборудование, с помощью которого реализованы эти методы; научную обоснованность экспертной методики, граничные условия ее применения, допустимость применения избранной методики в данном конкретном случае; обоснованность выводов эксперта, взаимосвязь и взаимообусловленность выводов и исследовательской части экспертного заключения и др.

Таким образом, законодатель хотя и косвенно, но признает, что оценка выводов судебной экспертизы с точки зрения научной обоснованности, достоверности и достаточности является для суда сложной задачей, решение которой невозможно без реальной помощи сведущих лиц непосредственно в суде. □

¹⁵ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

научная достоверность
консультация специалиста
первичные результаты

Назначение судебной экспертизы по гражданскому делу

Станислав Владимирович Тетюев

Челябинский областной суд,
судья,
Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики
и судебной экспертизы,
кандидат юридических наук, доцент
г. Челябинск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с назначением судом экспертизы в гражданском процессе: основания назначения экспертизы, соотношение заключения эксперта и заключения специалиста, разъяснение эксперту прав, обязанностей и ответственности, формулирование вопросов эксперту, сроки и предварительная оплата экспертизы.

Ключевые слова: суд, эксперт, специалист, специальные знания, судебная экспертиза, вопросы

Ordering forensic expert examination in civil proceedings

Stanislav Vladimirovich Tetyuev, Chelyabinsk Regional Court, Judge, Southern Ural State University, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Expert Examinations, Candidate of Laws, Associate Professor, Chelyabinsk, Russia

Annotation. The article deals with certain issues related to ordering an expert examination by a court in civil proceedings, in particular: grounds for ordering an expert examination, interrelation between reports produced by experts and those produced by specialists, explaining to experts their rights, obligations and responsibility, formulating questions to experts, deadlines and pre-payment for an expert examination.

Keywords: court, expert, specialist, special knowledge, forensic expert examination, questions

Судебная экспертиза является процессуальной формой использования специальных знаний в гражданском процессе, а заключение эксперта – одним из видов доказательств (средств доказывания), к которому часто обращается суд для обоснования выводов по делу. По логике законодателя, экспертиза должна назначаться во всех случаях, когда для установления юридически значимых обстоятельств необходимы специальные знания в области искусства, техники, науки или ремесла. Разъяснения по поводу назначения судебных экспертиз по тем или иным категориям гражданских дел можно встретить в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹.

С целью назначения экспертизы суд должен убедиться в необходимости ее проведения, выбрать эксперта, разъяснить ему права и обязанности, предупредить его о предусмотренной законом ответственности, сформулировать вопросы эксперту, собрать необходимые материалы, разрешить вопрос о предварительной оплате экспертизы и др., а также закрепить результаты этой деятельности в определении о назначении экспертизы, которое выносится в форме отдельного процессуального документа в совещательной комнате. Ограниченный объем статьи не позволяет подробно рассмотреть все перечисленные вопросы, поэтому остановимся на тех из них, которые являются наиболее значимыми с точки зрения соблюдения принципов гражданского судопроизводства.

Заключение эксперта или заключение специалиста?

Практика показывает, что зачастую стороны в доказывании используют заключения специалистов, содержащие выводы о недостатках товара, размере причиненного истцу ущерба, наруше-

ниях различных норм и правил, способах их устранения и т.д. Не ставя под сомнение возможность использования подобного рода заключений по всем гражданским делам, обратим внимание на непоследовательное нормативное регулирование. С одной стороны, заключение специалиста не называется в числе доказательств в части 1 ст. 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – ГПК РФ), а с другой стороны, в части 1 ст. 157 ГПК РФ указывается, что суд должен непосредственно исследовать доказательства по делу, в том числе консультации и пояснения специалистов.

В соответствии с частями 1, 3 ст. 188 ГПК РФ в необходимых случаях при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств суд может привлекать специалистов для получения консультаций, пояснений и оказания непосредственной технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества). Специалист дает суду консультацию в устной или письменной форме, исходя из профессиональных знаний, без проведения специальных исследований, назначаемых на основании определения суда.

Задача специалиста в судебном заседании состоит в оказании содействия суду и лицам, участвующим в деле, в исследовании доказательств. Если из консультации специалиста следует, что имеются обстоятельства, требующие дополнительного исследования или оценки, суд может предложить сторонам представить дополнительные доказательства либо ходатайствовать о назначении экспертизы (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции»³).

Вместе с тем нередко заключения специалистов содержат в себе резуль-

¹ См., например: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (п. 13) // Бюллетень ВС РФ. 2008. № 9; от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» (п. 20) // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 7.

² ГПК РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

³ Бюллетень ВС РФ. 2008. № 10.

назначение экспертизы

оплата экспертизы

процессуальный документ

таты полноценных (тщательных, всесторонних) исследований с использованием методов, присущих экспертизе, что с учетом приведенных правовых норм и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ неизбежно ставит перед судом вопрос о допустимости таких заключений как доказательств. Однако при отсутствии сомнений в их достоверности суд не лишен возможности давать им оценку в качестве письменных доказательств. В случае несогласия противоположной стороны с данным доказательством и необходимости использования специальных знаний для установления юридически значимых обстоятельств по делу суд должен разъяснять сторонам право на заявление ходатайства о назначении судебной экспертизы и оказывать им содействие в собирании иных доказательств.

Предлагаемый нами подход нашел законодательное закрепление в Казахстане. Согласно части 2 ст. 82 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан⁴ наличие в деле актов ревизий, проверок, заключений ведомственных инспекций, а также письменных консультаций специалистов, отчетов оценщиков не заменяет заключения эксперта и не исключает возможности назначения судебной экспертизы по тем же вопросам.

Разъяснение эксперту прав, обязанностей и ответственности

Важным является вопрос о разъяснении эксперту прав и обязанностей, предупреждении его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Если проведение экспертизы поручается государственному судебно-экспертному учреждению, то в соответствии со статьей 14 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»⁵ конкретного эксперта, который будет проводить экс-

пертизу, определяет руководитель учреждения, и он же разъясняет эксперту права и обязанности, предупреждает его об уголовной ответственности по статье 307 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ и берет у эксперта соответствующую подписку. При этом в определении о назначении экспертизы суд должен поручить руководителю государственного судебно-экспертного учреждения выполнить вышеуказанные действия.

Иные правила действуют, если производство судебной экспертизы поручается негосударственному эксперту. В этом случае в определении о назначении экспертизы суд должен указать фамилию, имя и отчество данного эксперта (ч. 1 ст. 80 ГПК РФ), самостоятельно разъяснить ему права и обязанности и предупредить эксперта об уголовной ответственности (ч. 2 ст. 80 ГПК РФ). Кроме того, нельзя ограничиться только указанием наименования организации, которой поручается экспертиза. Например, если Петров И.И., который будет проводить экспертизу, работает в ООО «Исследование», то в определении о назначении экспертизы следует указать, что ее производство поручается эксперту ООО «Исследование» Петрову И.И.

Проиллюстрируем вышеизложенное примером из судебной практики. По одному из гражданских дел о сносе строения была назначена строительно-техническая экспертиза, производство которой поручено строительной кафедре государственного университета, очевидно, не являющегося государственной экспертной организацией. В определении о назначении экспертизы суд предупредил эксперта (без указания его фамилии, имени и отчества) об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, однако права и обязанности эксперта не разъяснил. Экспертизу провели заведующий кафедрой и еще один сотрудник кафедры. Заключение, подписанное только заведующим, было представлено в суд без подписки экспертов о предупреждении их об уголовной ответственности. Допущенные нарушения привели к необходимости назначения судом апелляционной инстанции

⁴ Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» // Казахстанская правда. 3 ноября 2015 г.

⁵ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

⁶ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

определение о назначении

разъяснение прав эксперту

негосударственный эксперт

повторной экспертизы, поскольку непредупреждение экспертов об уголовной ответственности ставит под сомнение достоверность составленного ими заключения⁷.

Формулирование вопросов эксперту

Пожалуй, один из самых ответственных этапов назначения экспертизы — это правильное определение вопросов, которые следует поставить перед экспертом. От этого напрямую зависят и принятие законного, обоснованного решения по делу, и сроки его рассмотрения.

В теории судебной экспертизы справедливо отмечается, что вопросы должны быть конкретными, четкими и ясными, не допускающими двоякого толкования; если вопросы взаимосвязаны, то их необходимо задавать в логической последовательности⁸.

При определении перечня вопросов суду нужно исходить из того, что ответы на них должны способствовать установлению юридически значимых обстоятельств. Количество вопросов, которые могут быть поставлены перед экспертом, закон не ограничивает. Однако их должно быть ровно столько, сколько необходимо для правильного разрешения гражданского дела. Следует иметь в виду, что постановка лишних (ненужных) вопросов влечет увеличение не только времени, требующегося для производства экспертизы, и, как следствие, срока рассмотрения дела, но и расходов на ее оплату. Но если на разрешение эксперту поставлены не все вопросы, связанные с предметом и/или основанием иска, это также чревато как удлинением срока рассмотрения дела, так и дополнительными расходами сторон, поскольку может потребоваться назначение еще одной экспертизы.

Для оказания помощи суду в формулировании вопросов закон позволяет привлекать специалиста (ч. 1 ст. 188

ГПК РФ). Пренебрегать данной возможностью не стоит, особенно если речь идет о назначении сложных экспертиз, не имеющих широкого распространения в судебной практике. Примерный перечень вопросов, которые необходимо поставить перед экспертом, можно предварительно согласовать путем обмена письмами между судом и экспертными организациями.

Назначая экспертизу, суд должен учитывать не только нормы материального права, регулирующие спорные правоотношения, но и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Например, при рассмотрении спора о стоимости и разделе совместно нажитого имущества суд, исходя из положений пунктов 1, 3 ст. 38 Семейного кодекса Российской Федерации⁹ и пункта 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»¹⁰, должен поставить перед экспертом вопрос о том, какова стоимость имущества в настоящее время, а не на момент фактического прекращения брачных отношений или регистрации прекращения брака в органе ЗАГС.

На основании пункта 2 ст. 1105 Гражданского кодекса Российской Федерации¹¹ (далее — ГК РФ) лицо, неосновательно временно пользовавшееся чужим имуществом без намерения его приобрести либо чужими услугами, должно возместить потерпевшему то, что оно сберегло вследствие такого пользования, по цене, существовавшей во время, когда закончилось пользование, и в том месте, где оно происходило. Поэтому при разрешении дела о взыскании платы за использование имущества в отсутствие основания, предусмотренного договором или законом, допустим, в течение трех лет (с 1 апреля 2017 г. по 31 марта 2020 г.), нет необходимости ставить перед экспертом задачу определить размер платы за каждый из 36 месяцев пользования — достаточно определить лишь размер платы за

⁷ Гражданское дело № 2-4/2020 // Архив Курчатовского районного суда г. Челябинска.

⁸ См.: Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2009. С. 223.

⁹ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

¹⁰ Бюллетень ВС РФ. 1999. № 1.

¹¹ СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

формулирование вопросов

привлечение специалиста

примерный перечень вопросов

март 2020 года, что сделает экспертизу более быстрой и дешевой.

В пункте 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»¹² разъяснено, что при рассмотрении исков об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, путем возведения ответчиком здания, строения, сооружения суд устанавливает факт соблюдения градостроительных и строительных норм и правил при строительстве соответствующего объекта. Несоблюдение, в том числе незначительное, градостроительных и строительных норм и правил при строительстве может являться основанием для удовлетворения заявленного иска, если при этом нарушается право собственности или законное владение истца. Однако для выбора соразмерного способа защиты нарушенного права суд должен располагать сведениями о том, устранимы ли выявленные нарушения и если да, то каким способом они могут быть устранены. Следовательно, назначая строительно-техническую экспертизу, суд не может ограничиться только одним вопросом о соответствии строения вышеуказанным нормам и правилам, а должен поставить вопросы и о характере нарушений, и о способах их устранения.

Согласно части 2 ст. 86 ГПК РФ в случае, если эксперт при проведении экспертизы установит имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе высказать выводы об этих обстоятельствах в своем заключении. Тем не менее право эксперта на инициативу нисколько не уменьшает ответственность суда за правильное и полноценное формулирование вопросов. Кроме того, как верно отмечается в теории судебной экспертизы, в экспертной практике часто господствует принцип «каков вопрос — таков ответ»¹³.

¹² Бюллетень ВС РФ. 2010. № 7.

¹³ См.: Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Указ. соч. С. 223.

Помимо отмеченного, необходимо помнить о недопустимости постановки перед экспертом вопросов правового характера (например: является ли гражданин дееспособным, нуждается ли он в установлении опеки или попечительства; является ли постройка самовольной, а допущенные нарушения строительных норм и правил — существенными; какие пункты Правил дорожного движения нарушены ответчиком; создано ли произведение истцом). Разрешение этих вопросов относится к компетенции суда, поэтому их нельзя ставить перед экспертом, который не обладает специальными знаниями в области права.

Достаточно распространены случаи, когда при рассмотрении земельных споров суды назначают землеустроительные экспертизы и ставят перед экспертами вопрос о том, допущена ли реестровая ошибка при постановке земельного участка на кадастровый учет или внесении изменений в сведения об уникальных характеристиках участка в Едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН) и каким способом она может быть устранена.

Однако такая практика едва ли допустима. Дело в том, что реестровая ошибка — это правовой термин, содержание которого раскрывает закон.

Согласно части 3 ст. 61 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»¹⁴ (далее — Закон № 218-ФЗ) под реестровой ошибкой понимается, в частности, воспроизведенная в ЕГРН ошибка, содержащаяся в межевом плане, возникшая вследствие ошибки, допущенной лицом, выполнившим кадастровые работы. Чаще всего такие ошибки возникают, если кадастровый инженер, осуществляющий межевание земельного участка, не учитывает правоустанавливающие документы, в которых могут иметься сведения о границах участка, а при отсутствии этих документов — исторически сложившиеся границы (существующие на местности 15 лет и более). Поэтому суд, допуская наличие реестровой ошибки, исходя из фактических обстоятельств дела, должен сформулировать вопросы перед экспертом таким образом, чтобы ответы на них помогли суду не только установить, но и исправить допущенную кадастровым инженером ошибку: например, определить, соответствует ли граница земельного участка, сведения о которой внесены в ЕГРН, сведениям, содержащимся в документе, подтверждающем право на земельный участок (при отсутствии такого документа — сведениям, содержащимся в документах, определявших местоположение границ земельного участка при его образовании). Если в указанных документах отсутствуют сведения о местоположении границ земельного участка, то в силу части 10 ст. 22 Закона № 218-ФЗ с помощью экспертизы необходимо проверить, совпадает ли граница земельного участка по данным ЕГРН с границами, существующими на местности не менее 15 лет и закрепленными с использованием природных объектов или объектов искусственного происхождения, позволяющих определить местоположение границ участка. Также перед экспертом следует поставить вопрос о том, какие характерные (поворотные) точки необходимо исключить из ЕГРН, какие — внести в реестр и какой должна быть площадь земельного участка. Ответы на эти вопросы позволят суду принять решение по делу об

исправлении реестровой ошибки, которое сможет исполнить орган кадастрового учета.

Справедливости ради стоит заметить, что законодатель все же допускает назначение так называемой правовой экспертизы в одном случае: согласно пункту 2 ст. 1191 ГК РФ в целях установления содержания норм иностранного права суд может обратиться в установленном порядке за содействием и разъяснением в Министерство юстиции РФ и иные компетентные органы или организации в Российской Федерации и за границей либо привлечь экспертов. Следовательно, в качестве эксперта может выступить лицо, обладающее специальными знаниями в области иностранного права. При этом Верховный Суд РФ разъяснил, что перед экспертом могут быть поставлены вопросы о содержании норм иностранного права, а не о правовой оценке отношений сторон и представленных доказательств, например о действительности спорного договора; заключение эксперта не признается относимым и допустимым доказательством, если оно представляет собой анализ отношений сторон и представленных по делу доказательств¹⁵.

Сроки проведения экспертизы и ее оплата

Во всех случаях назначению экспертизы должно предшествовать получение из экспертной организации сведений о сроках и стоимости проведения экспертизы. Наличие данной информации позволит суду выбрать того эксперта, который сделает экспертизу достаточно оперативно и потребует за это адекватную плату. Кроме того, закон обязывает суд указывать в определении о назначении экспертизы дату, не позднее которой заключение должно быть составлено и направлено экспертом в суд (ч. 1 ст. 80). Допустимы, например, такие формулировки: уста-

процессуальные сроки

правовая экспертиза

сроки проведения экспертизы

¹⁴ СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4344.

¹⁵ См.: пункты 45, 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 8.

новить срок производства экспертизы – один месяц с момента получения определения суда либо до конкретной даты. При нарушении данного срока на эксперта может быть наложен штраф в соответствии с частью 1 ст. 85, статьей 105 ГПК РФ.

Поскольку проведение экспертизы может потребовать длительного времени, суд вправе в целях экономии процессуальных сроков приостановить производство по делу до момента получения заключения эксперта (ст. 216 ГПК РФ). Практика показывает, что данным правом суды пренебрегают крайне редко.

Чтобы не получилось так, что эксперт сработал «в кредит», судам всегда следует руководствоваться частью 1 ст. 96 ГПК РФ и возлагать на лицо, заявившее ходатайство о назначении экспертизы, обязанность по предварительной ее оплате в размере, который указал эксперт в информационном письме. Неисполнение этой обязанности в установленный судом срок может повлечь выдачу исполнительного листа с целью принудительного исполнения определения о назначении экспертизы в части оплаты. При этом эксперт не вправе отказаться от проведения порученной ему экспертизы (ч. 2 ст. 85 ГПК РФ).

Стоит заметить, что вопрос об оплате экспертизы следует всегда обсуждать со сторонами до удаления суда в совещательную комнату для разрешения ходатайства о назначении экспертизы. В ходе этого обсуждения стороны могут прийти к соглашению об оплате экспертизы на паритетных началах или в иной пропорции. Также суд вправе распределить оплату экспертизы между сторонами в зависимости от того, сколько вопросов из числа заявленных каждой из сторон было поставлено перед экспертом в определении. Если экспертиза назначается по инициативе суда, то ее оплата не может быть возложена на какую-либо из сторон.

Как отмечает Верховный Суд РФ, в протоколе судебного заседания, в котором решен вопрос о назначении экспертизы, должны быть обязательно указаны: лицо, заявившее соответствующее ходатайство; содержание устного ходатайства о назначении экспертизы;

сведения о разъяснении участвующим в деле лицам прав, предусмотренных частью 2 ст. 79 ГПК РФ, а также последствий уклонения стороны от экспертизы, определенных в части 3 ст. 79 ГПК РФ; данные о представлении участвующими в деле лицами вопросов, отклонении судом вопросов, обсуждения выбора экспертного учреждения или эксперта, о заявлении отвода эксперту¹⁶.

Определение суда о назначении экспертизы может быть обжаловано только по вопросу распределения судебных расходов и в части приостановления производства по делу. Если в частной жалобе содержатся исключительно доводы о несогласии с вопросами, поставленными перед экспертом, или выбранным судом экспертом, то такая жалоба должна быть возвращена судом. В тех случаях, когда суд первой инстанции этого не сделал и направил жалобу вместе с делом в суд апелляционной инстанции, жалобу следует принять к производству и в судебном заседании, проводимом без извещения сторон, оставить без рассмотрения по существу.

Всегда следует избегать назначения экспертизы «на всякий случай», когда юридически значимые обстоятельства могут быть установлены с помощью других собранных по делу доказательств либо заключение эксперта не потребует суду для обоснования выводов по делу. Например, требования ненадлежащего истца обречены на отказ в удовлетворении вне зависимости от результатов судебной экспертизы.

В заключение выразим надежду на то, что учет рекомендаций, изложенных в настоящей статье, позволит судьям не допускать процессуальных ошибок при назначении экспертизы, а также в большинстве случаев избегать проведения дополнительных и повторных экспертиз и рассматривать гражданские дела в разумные сроки. ■

¹⁶ См.: Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 декабря 2011 г. // Бюллетень ВС РФ. 2012. № 3.

инициативасуда
содержаниюходатайства
процессуальныеошибки

Судебно-психиатрическая экспертиза лиц, страдающих временным психическим расстройством

Александр Юрьевич Самодумов
Орловский областной суд,
судья
г. Орел, Россия

Аннотация. Исследуются вопросы рассмотрения в суде уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, страдающих временным психическим расстройством. Предлагаются пути решения проблем, возникающих в практической деятельности.

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, невменяемость, временное психическое расстройство, медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь, наказание

Forensic psychiatric expert examination in respect of persons with temporary mental disorders

Aleksandr Yuriyevich Samodumov, Orel Regional Court, Judge, Orel, Russia

Annotation. The article studies the issues of judicial examination of criminal cases related to applying compulsory measures of a medical nature in respect of persons with temporary mental disorders. It suggests solutions to the problems arising in practice.

Keywords: forensic psychiatric expert examination, mental incompetence, temporary mental disorder, healthcare organisation providing psychiatric care, punishment

Установленный Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) порядок рассмотрения по существу уголовных дел о применении принудительных мер медицинского характера имеет ряд особенностей. Так, согласно части 1 ст. 433 УПК РФ производство о применении принудительных мер медицинского характера, указанных в пунктах «б» – «г» ч. 1 ст. 99 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ), осуществляется в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение.

На практике по каждому такому уголовному делу назначается судебно-психиатрическая экспертиза, в ходе которой и разрешается комплекс соответствующих вопросов.

Установив, что в момент совершения общественно опасного деяния лицо находилось в состоянии невменяемости, суд принимает решение о его освобождении от уголовной ответственности и назначает принудительную меру медицинского характера. Если же психическое расстройство, лишаящее лицо возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, наступило после совершения преступления, то принимается решение об освобождении его от наказания или от отбывания наказания (ч. 1 ст. 81 УК РФ).

Вместе с тем в некоторых случаях эксперты в силу объективных причин не могут высказаться о наличии у лица психического расстройства на момент совершения деяния, запрещенного уголовным законом, поскольку в период освидетельствования это лицо страдает временным психическим расстройством. Получив такое экспертное заключение, следователи, будучи ограниченными временными рамками содержания лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, или в следственном

изоляторе, направляют уголовное дело в суд для применения принудительных мер медицинского характера до выхода из болезненного состояния. При этом вопрос о состоянии лица на момент совершения общественно опасного деяния фактически остается открытым.

Суды, в свою очередь, изучив уголовное дело, или приступают к его рассмотрению по существу, или возвращают прокурору.

Так, апелляционным постановлением Московского областного суда от 25 марта 2014 г. оставлено без изменения постановление Королевского городского суда Московской области от 20 января 2014 г. о возвращении прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ уголовного дела в отношении Н. В обоснование указано, что «согласно повторной амбулаторной судебно-психиатрической экспертизе Н. в настоящее время обнаруживает признаки временного психического расстройства в форме острого полиморфного психического расстройства без симптомов шизофрении и нуждается в принудительном лечении до выхода из временного психического расстройства с последующим направлением на судебно-психиатрическую экспертизу для решения экспертных и диагностических вопросов. Таким образом, вопрос о вменяемости или невменяемости Н. во время совершения общественно опасного деяния решен не был. В связи с этим суд апелляционной инстанции приходит к выводу о том, что оснований для направления уголовного дела в отношении Н. в суд для применения принудительных мер медицинского характера не имелось»³.

Апелляционным постановлением Липецкого областного суда от 30 января 2017 г. оставлено без изменения постановление Левобережного районного суда г. Липецка от 7 декабря 2017 г. о возвращении уголовного дела в отношении лица прокурору Левобережного района г. Липецка для устранения препятствий его рассмотрения судом. В обоснование говорится, что «согласно заключению судебно-психиатрической комиссии экс-

¹ Российская газета. 22 декабря 2001 г.

² СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Апелляционное постановление Московского областного суда от 25 марта 2014 г. по делу № 22-1593/14 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

Судеб-
эксперт-
время
расст-

Апелляцион-
ное постановление
Липецкого областного
суда от 30 января 2017 г. по
делу № 22-75/2018 // Документ опублико-
ван не был. Источник – СПС «Консультант-
Плюс».

Постановление Орловского областного
суда от 8 мая 2013 г. № 2-2/2013 // Архив
Орловского областного суда.

принудительные меры
общественная опасность
освидетельствование лица

пертов, ФИО1 в настоящее время страдает «данные изъяты». Поэтому ФИО1 нуждается в применении в отношении него принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа до выхода из указанного болезненного состояния с последующим решением экспертных вопросов в полном объеме. Таким образом, как видно из данного заключения, вопрос о вменяемости или невменяемости ФИО1 во время совершения общественно опасного деяния решен не был, что является обязательным согласно ч. 1 ст. 433 УПК РФ для производства о применении принудительных мер медицинского характера. Суд апелляционной инстанции соглашается с выводами суда первой инстанции и признает, что постановление органов предварительного следствия о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера в порядке ст. 439 УПК РФ составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, при отсутствии ответов в заключении экспертов о вменяемости или невменяемости ФИО1 во время совершения общественно опасных деяний»⁴.

Принимая такие решения, суды, по существу, обязывают органы предварительного следствия дожидаться выхода лица из болезненного состояния и назначить судебно-психиатрическую экспертизу.

В пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»⁵ говорится, что если в ходе судебного разбирательства при проведении судебно-психиатрической экспертизы будет установлено, что у подсудимого наступило временное психическое расстройство, при котором не представляется возможным дать заключение о его психическом состоянии во время совершения общественно опасного деяния, то производство по делу подле-

жит приостановлению в соответствии с частью 3 ст. 253 УПК РФ. Вопрос об освобождении такого лица от уголовной ответственности или наказания в этих случаях не решается.

На практике реализация приведенных подходов в отношении лиц, содержащихся под стражей или в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, сталкивается с серьезными проблемами, поскольку длительность временного психического расстройства неизвестна. Более того, зачастую излечение лица от этого расстройства само по себе требует применения принудительных мер медицинского характера. Ситуация нередко усугубляется и тем, что после выздоровления и последующего помещения в следственный изолятор временное психическое расстройство проявляет себя вновь как ответ на изменение условий содержания. Особенно остро проблема стоит в тех случаях, когда рассматриваются уголовные дела об особо тяжких преступлениях (деяниях), повлекших смерть человека, подсудных областными и приравненным к ним судам. По таким делам комиссия экспертов-психиатров рекомендует назначить принудительную меру медицинского характера в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением, которые, в отличие от обычных психиатрических больниц, охраняются Федеральной службой исполнения наказаний.

В качестве примера можно привести уголовное дело из практики Орловского областного суда⁶ в отношении М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пунктами «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, которое было возбуждено 14 октября 2007 г. по факту обнаружения фрагментов расчлененного трупа женщины.

19 октября 2007 г. по подозрению в совершении этого преступления был задержан М., 20 октября 2007 г. ему была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, а 14 декабря 2007 г. срок содержания под стражей продлен до 14 марта 2008 г.

⁴ Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 30 января 2017 г. по делу № 22-75/2018 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».

⁵ Российская газета. 20 апреля 2011 г.

⁶ Постановление Орловского областного суда от 8 мая 2013 г. № 2-2/2013 // Архив Орловского областного суда.

Согласно заключению психолого-психиатрической экспертизы от 22 февраля 2008 г. у М. не позднее 9 ноября 2007 г. развилось временное психическое расстройство в форме реактивной истерической реакции, из которого к моменту окончания экспертизы он не вышел.

13 марта 2008 г. М. переведен из следственного изолятора в психиатрический стационар специализированного типа с интенсивным наблюдением до выхода из психотического состояния.

7 июля 2008 г. уголовное дело в отношении М. поступило в суд с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера. 2 сентября 2008 г. принято решение о применении в отношении М. принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением до его выхода из психотического состояния. 9 апреля 2009 г. применение принудительной меры медицинского характера прекращено в связи с тем, что М. вышел из болезненного расстройства психической деятельности, уголовное дело направлено руководителю следственного органа.

20 апреля 2009 г. М. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного пунктами «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство двух лиц, совершенное группой лиц, из корыстных побуждений), избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, 22 апреля 2009 г. срок содержания под стражей продлен до 20 июня 2009 г.

15 мая 2009 г. уголовное дело в отношении М. поступило в суд с обвинительным заключением. На период судебного разбирательства М. оставлен под стражей.

Судебно-психиатрическая экспертиза от 18 августа 2009 г. показала, что М. обнаруживает временное психическое расстройство в форме реактивной истерической реакции. Он нуждается в применении принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением до выхода из психотического состояния. 9 сентября 2009 г. к М. вновь применена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатри-

ческом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением до выхода из психотического состояния с последующим направлением на экспертизу для решения диагностических и экспертных вопросов.

Впоследствии применение к М. принудительной меры медицинского характера неоднократно продлевалось в порядке статьи 445 УПК РФ на 6 месяцев, последний раз 6 апреля 2012 г.

20 июня 2012 г. применение принудительной меры медицинского характера прекращено в связи с тем, что М. вышел из болезненного расстройства психической деятельности. Итоговое решение по делу принято 8 мая 2013 г.

Таким образом, временное психическое расстройство, длительность которого превышала 3 года, возникало у М. после каждого помещения его в следственный изолятор.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2018 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.»⁷ часть 1 ст. 435 УПК РФ признана «не противоречащей Конституции Российской Федерации»⁸ в той мере, в какой — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — она предполагает, что:

в случае выявления факта психического заболевания у лица, к которому в качестве меры пресечения применено содержание под стражей, суд, принимая решение о его переводе в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, — при наличии для этого медицинских показаний, зафиксированных в заключении экспертов, участвующих в производстве судебно-психиатрической экспертизы, и, при необходимости, в медицинском заключении соответствующей медицинской организации, — обязан установить срок, на который данное лицо помещается в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь

⁷ Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 5.

⁸ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>

психиатрический стационар
содержание под стражей
медицинское заключение

в стационарных условиях, в том числе календарную дату его истечения;

• продление срока нахождения такого лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, должно осуществляться с учетом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, определяющих порядок продления срока содержания под стражей, и при обеспечении ему права осуществлять предусмотренные статьями 46 и 47 данного Кодекса процессуальные права подозреваемого, обвиняемого лично (если психическое состояние позволяет осуществлять такие права самостоятельно), а также с помощью защитника и законного представителя;

• прекращение нахождения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, лица, в отношении которого решение о переводе в такую организацию было принято в период применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, предполагает – если на момент отпадения оснований для нахождения этого лица в соответствующей медицинской организации срок, на который была назначена данная мера пресечения, уже истек – решение вопроса о необходимости применения к этому лицу той же или иной меры пресечения с учетом осуществления в отношении него уголовного преследования, с тем чтобы обеспечить выполнение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством».

Таким образом, очевидно, что в приведенном примере М. на стадии предварительного следствия (в случае возвращения дела прокурору) не мог бы содержаться в условиях организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, свыше 18 месяцев. Помещение М. в обычную психиатрическую больницу, уровень охраны которой минимален, в порядке недобровольной госпитализации могло бы привести к его побегу и другим тяжелейшим последствиям.

Необходимо особо отметить, что направление лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в порядке статьи 435 УПК РФ не преду-

сматривает возможность применения к нему принудительных мер медицинского характера.

Таким образом, в связи с принятием Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 24 мая 2018 г. № 20-П правовые подходы к разрешению дел указанной категории могут быть скорректированы с учетом того, что пункт 4 ч. 2 ст. 434 УПК РФ предусматривает в качестве альтернативы обязанность доказать наличие у лица психических расстройств не только на момент совершения деяния, но и во время производства по уголовному делу.

Соответственно, при поступлении такого уголовного дела в суд по нему необходимо проводить полноценное судебное разбирательство с тщательным изучением психического состояния лица. Если будет установлено, что это лицо по-прежнему страдает временным психическим расстройством, суду следует назначить принудительную меру медицинского характера до выхода этого лица из такого состояния без освобождения от наказания. В этом случае в описательно-мотивировочной части постановления необходимо указать лишь на проверку судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному деянию.

После выздоровления лица обязательным элементом рассмотрения уголовного дела будет назначение дополнительной судебно-психиатрической экспертизы, результаты которой будут иметь важнейшее значение для решения. Если эксперты придут к выводу, что в момент совершения деяния лицо могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, то дело подлежит возвращению прокурору в соответствии с пунктом 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ для составления обвинительного заключения. Если же вывод будет противоположным, то суд получит все основания для применения к лицу принудительных мер медицинского характера с освобождением от уголовной ответственности.

Такой подход позволит сократить сроки рассмотрения уголовных дел, минимизирует возможность лица скрыться от правоохранительных органов и тем самым обеспечит выполнение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. □

заключение экспертов
психическое состояние
уголовное преследование

Когда арбитражный суд должен назначить судебную экспертизу

Сергей Викторович Лазарев

Арбитражный суд Уральского округа,
судья, председатель судебного состава
Уральский государственный юридический университет,
кафедра гражданского процесса,
доцент,
кандидат юридических наук
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. На основе целей назначения судебной экспертизы автор исследует критерии необходимости использования специальных знаний при рассмотрении дел арбитражными судами. Основанием для отмены судебного акта должно быть не проявление судом инициативы в назначении экспертизы, когда ее проведение предписано законом. Во всех остальных случаях при потребности в специальных познаниях и отсутствии ходатайства или неполучения согласия соответствующей стороны риск наступления соответствующих последствий должны нести участвующие в деле лица.

Ключевые слова: специальные знания, судебная экспертиза, управление делами, судейский активизм, достаточность доказательств

When a commercial court has to order a forensic expert examination

Sergey Viktorovich Lazarev, Commercial Court of the Ural District, Judge, Section President, Ural State Law University, Civil Procedure Department, Associate Professor, Candidate of Laws, Yekaterinburg, Russia

Annotation. On the basis of the objectives of ordering a forensic expert examination the author studies the criteria for the necessity for the use of special knowledge by courts when processing cases. When conducting an expert examination is provided for in the law, but a court does not order an expert examination by its own motion, this should be a ground for annulment of the judicial act. In other instances, when the necessity for the use of special knowledge arises, but the party concerned does not ask for or does not give its consent to conducting an expert examination, the corresponding risks are run by the parties.

Keywords: special knowledge, forensic expert examination, case management, judicial activism, sufficiency of evidence

Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации¹ и арбитражных судов округов² нередко исходит из того, что судебные решения подлежат отмене в связи с тем, что суд не обсудил вопрос о назначении судебной экспертизы. Поэтому чрезвычайно важно определить, когда именно необходима такая экспертиза. Предметом рассмотрения в настоящей статье являются подходы к решению обозначенного вопроса в арбитражном процессе.

1. Цель назначения судебной экспертизы

Полагаем, что существуют две основные цели назначения судебной экспертизы.

1.1. Доказывание обстоятельств, входящих в предмет доказывания

Каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений (ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации³; далее – АПК РФ). Перечень средств доказывания предусмотрен в части 2 ст. 64 АПК РФ, где в качестве доказательств названы письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы. Таким образом, экспертиза является одним из многих доказательств, которые предназначены для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. В соответствии с частями 4 и 5 ст. 71 АПК РФ каждое доказательство подлежит оценке

арбитражным судом наряду с другими доказательствами. Никакие доказательства не имеют для арбитражного суда заранее установленной силы.

Как видно, закон не исключает возможности установления соответствующих обстоятельств иными доказательствами. В силу части 1 ст. 89 АПК РФ иные документы и материалы допускаются в качестве доказательств, если содержат сведения об обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела.

Одним из таких доказательств является внесудебное заключение специалиста. Его могут представить обе стороны. Суд должен дать оценку как заключению эксперта, так и заключению специалиста. Кроме того, такая обязанность у суда имеется и в случае, если по делу была проведена судебная экспертиза⁴.

1.2. Проверка других доказательств

Также целью назначения судебной экспертизы может быть проверка иных доказательств, в частности заявления о фальсификации (ст. 161 АПК РФ). В то же время судебная практика исходит из того, что назначение экспертизы не является единственным способом такой проверки⁵.

2. Инициатива суда в назначении судебной экспертизы

В одних случаях «вопрос о необходимости проведения экспертизы решается исходя из конкретных обстоятельств рассматриваемого спора и характера фактов, подлежащих установлению»⁶. В других случаях требуется назначение судебной экспертизы.

Согласно части 1 ст. 82 АПК РФ арбитражный суд может назначить экспертизу по своей инициативе в четырех

¹ См.: определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2018 г. № 74-КГ17-23, от 26 февраля 2019 г. № 18-КГ18-259; Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 2 октября 2018 г. № 308-КГ18-6724 по делу № А15-4880/2015 // Документы опубликованы не были. Здесь и далее, если не указано другое, источник – СПС «КонсультантПлюс».

² См.: постановления ФАС Московского округа от 5 декабря 2012 г. по делу № А40-83197/10-49-721; ФАС Северо-Кавказского округа от 19 октября 2010 г. по делу № А32-44704/2009 и пр.

³ Российская газета. 27 июля 2002 г.

⁴ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 305-ЭС17-11486 по делу № А40-73410/2015.

⁵ См.: Анализ проблемных вопросов, возникающих при рассмотрении заявлений о фальсификации доказательств // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2006. № 5.

⁶ Арбитражный процесс в СССР / под ред. А.А. Добровольского. М., 1973. С. 132 (автор главы – М.С. Фалькович).

случаях, а именно если назначение экспертизы:

- 1) предписано законом;
- 2) предусмотрено договором;
- 3) необходимо для проверки заявления о фальсификации представленного доказательства;
- 4) проводится дополнительно или повторно.

Только при таких условиях не проявление судом соответствующей инициативы может служить основанием для отмены судебного акта. Во всех остальных случаях при потребности в специальных познаниях и отсутствии ходатайства или неполучении согласия соответствующей стороны риск наступления последствий в силу статей 9, 65 АПК РФ несут участвующие в деле лица (абз. 2 и 3 п. 3 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»⁷). В этих случаях судебное решение не может быть отменено как необоснованное и незаконное, а суд нельзя упрекнуть в непостановке и необсуждении вопроса о проведении судебной экспертизы.

Кроме того, в случаях, когда экспертиза может быть назначена по инициативе участвующих в деле лиц, действует подход, согласно которому заключение эксперта рассматривается в качестве одного из средств доказывания. Суд может отказать в удовлетворении ходатайства, если придет к выводу, что доказательств достаточно.

3. Определение достаточности доказательств

В литературе отмечается, что достаточность доказательств — это качественный показатель совокупности доказательств, при наличии которой суд в состоянии разрешить дело⁸.

При инквизиционном типе гражданского процесса доказательств достаточно, если в распоряжении суда имеются

необходимые доказательства, т.е. те, без которых не может быть разрешено дело⁹. При состязательном типе процесса доказательств достаточно, если стороной, на которой лежит бремя доказывания, выполнен стандарт доказывания.

Однако ни получение необходимых доказательств, ни выполнение стандарта доказывания для современного отечественного арбитражного процесса не являются условиями разрешения дела. Поскольку закон защищает не только нарушенное, но и оспоренное право, то дело может быть разрешено без необходимых доказательств и при невыполнении стандарта доказывания. Просто в этой ситуации будет защищено право противоположной стороны. По действующему законодательству суд всегда в состоянии разрешить дело, в том числе в день принятия иска. При таком подходе дальнейшее производство по делу направлено лишь на возможность реализации прав участвующих в деле лиц быть выслушанными.

Между тем в обоснование своей позиции участвующие в деле лица могут представить в дело многочисленные заключения, возражения, контрзаключения и контрвозражения, т.е. столько доказательств и фактов, сколько в принципе может принять и «переварить» суд¹⁰. Действительно, многостраничные заключения, заключения на заключения и т.п. нередко можно встретить на практике, и дела необоснованно «распухают» от обилия излишних доказательств. При этом относимость в качестве критерия принятия доказательств не всегда справляется с ситуацией, когда доказательств уже давно достаточно.

Для наполнения категории «достаточность доказательств» реальным содержанием считаем, что она может быть рассмотрена в нескольких аспектах: 1) как основание для рассмотрения и разрешения дела по существу; 2) как ограничительный критерий для представления доказательств (фиксация перехода количества в качество).

⁷ Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

⁸ О понятии достаточности доказательств см.: Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И.В. Решетниковой. М., 2020. С. 33 (автор главы — И.В. Решетникова).

⁹ См.: Там же. С. 34 (автор главы — И.В. Решетникова).

¹⁰ См.: Ренц И.Г. Факты и доказательства в международных спорах: между истиной и справедливостью. М., 2018. С. 101–102.

достаточность доказательств
судебное решение
стандарт доказывания

Прежде всего заметим, что достаточность доказательств не может определяться при принятии иска. Согласно пункту 5 ч. 2 ст. 125 АПК РФ в исковом заявлении должны быть перечислены обстоятельства, на которых основаны исковые требования, и подтверждающие эти обстоятельства доказательства. В силу пункта 3 ч. 1 ст. 126 АПК РФ к исковому заявлению прилагаются документы, подтверждающие обстоятельства, на которых истец основывает свои требования. С одной стороны, как правило, арбитражный суд принимает иск и при неисполнении приведенных положений закона, что обусловлено принципом доступности правосудия. С другой стороны, даже формальное соблюдение этих требований ничего не меняет, поскольку закон не предъявляет к таким доказательствам требований достаточности. Соответственно, говорить о достаточности доказательств на стадии возбуждения производства по делу преждевременно.

Напомним, что в странах общего права действует концепция *no case to answer*, смысл которой сводится к тому, что «пока истец не представил «некоторых доказательств» каждого элемента предмета доказывания, ответчик вправе заявить о том, что отсутствует дело для рассмотрения»¹¹. Следует сделать оговорку, что особенностью стран общего права является то, что в гражданском судопроизводстве выделяются две основные стадии: досудебная стадия и судебное разбирательство¹². Досудебная стадия состоит из возбуждения гражданского дела, определения сторон и основания иска, обмена состязательными бумагами, представления списка доказательств каждой из сторон, вынесения указаний для процесса судебного разбирательства дела. В судебном слушании (разбирательстве) происходит устное разрешение гражданского спора по существу. Таким образом, дело не может быть назначено к судебному разбирательству, если

отсутствует дело для рассмотрения (*no case to answer*).

Эта концепция вполне могла бы вписаться в современный арбитражный процесс применительно к стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Так, статью 136 АПК РФ можно было бы дополнить частью 6 следующего содержания: «Если в деле отсутствуют доказательства, обосновывающие исковые требования, то при решении вопроса о готовности дела к судебному разбирательству ответчик вправе заявить об отсутствии дела для рассмотрения в судебном разбирательстве». Соответственно, статью 148 АПК РФ можно было бы дополнить следующим основанием для оставления искового заявления без рассмотрения: «...если по заявлению ответчика суд придет к выводу об отсутствии в деле доказательств, обосновывающих исковые требования».

Ответчик может быть заинтересован в получении решения об отказе истцу в иске. В этом случае он вправе не заявлять об отсутствии дела для рассмотрения в судебном разбирательстве.

Реализация указанного предложения, с одной стороны, снизила бы судебную нагрузку, а с другой стороны, способствовала бы более качественной подготовке исков.

Несмотря на то, что классический подход к достаточности доказательств предполагает ее оценку по результатам оценки совокупности доказательств при разрешении дела, де-факто арбитражные суды решают вопрос о достаточности доказательств при рассмотрении дела.

Так, нередко участники спора полагают, что суды необоснованно отказывают в назначении судебной экспертизы¹³. С одной стороны, необоснованное отклонение ходатайства о проведении судебной экспертизы лишает лицо возможности реализации принадлежащих ему процессуальных прав и обязанностей по доказыванию обстоятельств, имеющих существенное значение для разрешения дела, принятые судебные акты в этом случае

¹¹ Смольников Д.И. Переход бремени доказывания в гражданском судопроизводстве: игра в пинг-понг или стрельба из лука? // Закон. 2019. № 1. С. 138–148.

¹² См.: Папкова О.А. Гражданский процесс в государствах — членах Европейского союза: учеб. пособие. М., 2000. С. 157.

¹³ См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21 сентября 2018 г. № Ф09-5351/18 по делу № А60-39288/2017.

подлежат отмене¹⁴. С другой стороны, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, предусмотренное статьей 82 АПК РФ полномочие арбитражного суда по назначению экспертизы вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и представляет собой проявление дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия. Гарантией процессуальных прав лиц, участвующих в деле, выступают установленные АПК РФ процедуры проверки судебных постановлений вышестоящими судами и основания для их отмены или изменения¹⁵. В литературе также обращается внимание на дискреционный характер судебных полномочий при назначении независимой экспертизы¹⁶. В связи с этим в судебной практике поддерживается вывод о том, что в некоторых случаях (исходя из предмета доказывания¹⁷, подлежащего разрешению вопроса¹⁸, невозможности проведения¹⁹ и пр.) у суда не имелось оснований для обсуждения вопроса о проведении по делу судебной экспертизы.

Так, при проверке обоснованности заявления о фальсификации доказательства арбитражный суд принимает предусмотренные федеральным зако-

ном меры для проверки его достоверности, в том числе назначает экспертизу, истребует другие доказательства или принимает иные меры (абз. 5 ч. 1 ст. 161 АПК РФ)²⁰. Другими словами, проверка заявления о фальсификации может осуществляться и без назначения экспертизы²¹.

Таким образом, если в материалах дела имеется достаточно доказательств для разрешения спора по существу и для разъяснения возникающих вопросов не требуется специальных знаний, то ходатайство о назначении судебной экспертизы подлежит отклонению. Это позволяет говорить об оценке достаточности доказательств не только при разрешении спора по существу, но и при его рассмотрении.

Проблема может возникнуть в измерении достаточности доказательств. Полагаем, что в каждом конкретном случае количество доказательств для качественного вывода о наличии или отсутствии соответствующего факта различается. Выходом из ситуации является разрешение предварительной оценки обстоятельств дела. Суд может отказать в приобщении относимого доказательства только в том случае, если соответствующий факт уже установлен судом при помощи иных доказательств. При этом опровергнуть предварительно установленный факт противоположной стороне можно до определенного момента, т.е. должна предусматриваться реализация преклюзивной санкции²².

Исходя из изложенного, считаем, что арбитражный суд, управляя движением дела, при определении достаточности

¹⁴ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 июня 2014 г. № 716/14 по делу № А40-143607/12 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 10; определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2017 г. № 301-ЭС17-7046, по делу № А43-5669/2015, от 27 марта 2018 г. № 308-ЭС17-18062 по делу № А63-12005/2016, от 26 апреля 2018 г. № 305-КГ17-15653 по делу № А41-19629/2016 и др.

¹⁵ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2017 г. № 1898-О.

¹⁶ См.: Ренц И.Г. Указ. соч. С. 196–197.

¹⁷ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 марта 2018 г. № 305-ЭС18-645 по делу № А40-164626/2015.

¹⁸ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 августа 2017 г. № 308-АД17-10755 по делу № А32-27410/2016.

¹⁹ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 марта 2011 г. № 13765/10 по делу № А63-17407/2009 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 7.

²⁰ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2017 г. № 307-ЭС17-1676 по делу № А56-71402/2015.

²¹ См.: постановления Президиума Суда по интеллектуальным правам от 27 декабря 2017 г. № С01-917/2017 по делу № СИП-329/2017; Арбитражного суда Уральского округа от 14 мая 2018 г. № ФО9-1580/18 по делу № А71-3344/2017.

²² Подробнее о преклюзивных санкциях см.: Ярков В.В. Преклюзия в системе защиты прав в российском гражданском и административном судопроизводстве (постановка вопроса) // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2019. № 3. С. 129–143.

преклюзивная санкция
судейские полномочия
специальные знания

сти доказательств для назначения дела к судебному разбирательству, а также при приобщении доказательств должен учитывать мнение участвующих в деле лиц.

Решение вопроса о назначении экспертизы по инициативе участвующих в деле лиц зависит от достаточности в деле доказательств.

4. Выводы

Существуют две основные цели назначения судебной экспертизы: 1) доказывание обстоятельств, входящих в предмет доказывания; 2) проверка иных доказательств.

Если экспертиза может быть назначена по инициативе суда (и только в этих

случаях), не проявление судом соответствующей инициативы может являться основанием для отмены судебного акта. Во всех остальных случаях при потребности в специальных познаниях и отсутствии ходатайства или неполучении согласия соответствующей стороны риск наступления последствий в силу статей 9, 65 АПК РФ несут участвующие в деле лица.

Оценка достаточности доказательства может проводиться не только при разрешении спора по существу, но и при его рассмотрении. Если в материалах дела имеется достаточно доказательств для разрешения спора по существу, то ходатайство о назначении судебной экспертизы подлежит отклонению.

МЫ ИЗДАЕМ ЖУРНАЛ
«УГОЛОВНОЕ ПРАВО»

ПОДПИСКА
2021

Судебные экспертизы по спорам, вытекающим из договоров страхования транспортных средств

Андрей Евгеньевич Филиппов
Ростовский областной суд,
судья
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются особенности проведения экспертиз на разных стадиях урегулирования страховых споров, а также критерии допустимости судебной экспертизы, определяющие ее как вид доказательства в гражданском процессе. Предлагается обсудить подходы к назначению и оценке судом судебных экспертиз с тем, чтобы различные этапы разрешения спора не подменялись исключительно судебным разбирательством.

Ключевые слова: экспертиза в гражданском процессе, страховые споры, решение финансового уполномоченного, досудебный порядок урегулирования спора, взыскание страхового возмещения, приостановление производства по делу

Forensic expert examinations in cases related to vehicle insurance contracts

Andrey Yevgenievich Filippov, Rostov-on-Don Regional Court, Judge, Rostov-on-Don, Russia

Annotation: The article studies the particularities of conducting expert examinations at different stages of resolution of insurance disputes, as well as the criteria for the admissibility of forensic expert examinations which determine it as a type of evidence in civil proceedings. The author suggests that approaches to ordering and assessing by a court of forensic expert examinations be discussed, so that different stages of dispute resolution are not replaced with trial exclusively.

Keywords: expert examinations in civil proceedings, insurance disputes, decision of a financial designee, pre-trial dispute resolution, recovery of insurance indemnity, suspension of proceedings

4 июня 2018 г. был принят Федеральный закон № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»¹ (далее – Закон № 123-ФЗ), установивший новый досудебный порядок урегулирования споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями и, в частности, определивший особенности проведения и оценки судебных экспертиз по спорам, вытекающим из договоров страхования транспортных средств.

Интерес автора к этой теме вызван тем, что при формировании судебной практики и принятии такого вида доказательств, как заключение судебной экспертизы, суды не всегда уделяют должное внимание критериям допустимости судебных экспертиз и наличию объективных оснований к их проведению.

Это приводит не только к низкой эффективности предусмотренного законом досудебного порядка урегулирования спора, но и к порочности судебного акта, необоснованному приостановлению производства по делу и, как следствие, судебной волоките.

При оспаривании обстоятельств ДТП административный материал, схема ДТП, пояснения участников ДТП далеко не всегда с достоверностью и достаточностью подтверждают наступление страхового случая, поэтому важным видом доказательств по делам, связанным со взысканием страхового возмещения, являются судебные экспертизы.

Экспертиза по гражданским делам проводится как в государственных, так и в негосударственных экспертных учреждениях, что отражено в Обзоре судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 декабря 2011 г.; далее – Обзор от 14.12.2011)².

Специфика проведения и оценки судебных экспертиз по исследуемой категории дел в настоящий момент определяется тем, что, согласно требованиям закона, стороны спора еще в рамках его досудебного урегулирова-

ния должны представить заключения специалистов.

Так, ныне действующий Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»³ (далее – Закон об ОСАГО), а также Закон № 123-ФЗ предполагают проведение ряда экспертных исследований еще до того, как в судебном заседании может встать вопрос о назначении судебной экспертизы.

Согласно пункту 1 ст. 16¹ Закона об ОСАГО до предъявления к страховщику иска, содержащего требование об осуществлении страхового возмещения, потерпевший обязан обратиться к страховщику с заявлением, содержащим требование о страховом возмещении или прямом возмещении убытков, с приложенными к нему документами, предусмотренными правилами обязательного страхования.

Если между потерпевшим, являющимся потребителем финансовых услуг, определенным в соответствии с Законом № 123-ФЗ, и страховщиком возникают разногласия относительно исполнения последним своих обязательств по договору обязательного страхования, то потерпевший до предъявления иска должен направить страховщику письменное заявление, а страховщик обязан рассмотреть его в порядке, установленном Законом № 123-ФЗ.

Требования к независимой технической экспертизе транспортных средств

Статья 12¹ Закона об ОСАГО императивно определяет требования к независимой технической экспертизе транспортного средства, проводимой на этапе досудебного урегулирования спора. В частности, такая экспертиза проводится:

1) по Правилам, утверждаемым Банком России⁴, и с использованием Единой

³ СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.

⁴ См.: Положение Банка России от 19 сентября 2014 г. № 433-П «О правилах проведения независимой технической экспертизы транспортного средства» (зарегистрировано в Минюсте России 1 октября 2014 г. № 34212) // Вестник Банка России. 2014. № 93.

¹ СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

² Бюллетень ВС РФ. 2012. № 3.

методики определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства (далее – Единая методика)⁵ (п. 2 ст. 12¹);

2) экспертом-техником или экспертной организацией, которая должна иметь в штате не менее одного эксперта-техника. В свою очередь, экспертом-техником признается физическое лицо, прошедшее профессиональную аттестацию и внесенное в государственный реестр экспертов-техников (п. 3 ст. 12¹).

Важно отметить, что пункт 6 ст. 12¹ Закона об ОСАГО устанавливает и требование к судебной экспертизе транспортного средства: для того чтобы ее результаты были признаны как легитимное доказательство по гражданскому делу, она также должна быть проведена по Единой методике. Соответственно, несоблюдение данного условия, как и несоблюдение пунктов 1–5 ст. 12¹ Закона об ОСАГО в части требований к экспертам-техникам, делает заключение эксперта недопустимым доказательством. На это обстоятельство, в частности, обратила внимание судебная коллегия Четвертого кассационного суда общей юрисдикции, отменяя решения нижестоящих судов⁶.

С 1 июня 2019 г. в случае несогласия потребителя финансовой услуги (потерпевшего) с решением страховой компании (финансовой организации) о выплате страхового возмещения потребитель финансовой услуги должен обратиться за разрешением данного вопроса к финансовому уполномоченному. Последний же вправе организовать проведение независимой экспертизы (оценки) по предмету спора для решения вопросов, связанных с рас-

смотрением обращения (ч. 10 ст. 20 Закона № 123-ФЗ).

Таким образом, на стадии досудебного урегулирования спора, при рассмотрении финансовым уполномоченным обращения может быть проведено экспертное исследование, которое также должно соответствовать требованиям, установленным ст. 12¹ Закона об ОСАГО.

В случае несогласия со вступившим в силу решением финансового уполномоченного потребитель вправе обратиться с иском непосредственно к финансовой организации в порядке гражданского судопроизводства (п. 3 ч. 1, ч. 3 ст. 25 Закона № 123-ФЗ) в районный суд или к мировому судье в зависимости от цены иска.

Если при рассмотрении обращения потребителя финансовым уполномоченным было организовано и проведено экспертное исследование, то решение о назначении судебной экспертизы по тем же вопросам принимается судом с учетом положений статьи 87 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)⁷ о назначении дополнительной или повторной экспертизы, в связи с чем на сторону, ходатайствующую о назначении судебной экспертизы, возлагается обязанность обосновать необходимость ее проведения.

Аналогично этот вопрос решается и в случае, если с решением финансового уполномоченного не согласна финансовая организация⁸.

Таким образом, после процедуры урегулирования спора финансовым уполномоченным вопрос о проведении судебной экспертизы может быть поставлен стороной спора, которая в таком случае объективно обязана доказать необходимость проведения экспертизы. Кроме того, основания проведения такой экспертизы должны соответствовать требованиям статьи 87 ГПК РФ, предъ-

⁵ Положение Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства» (зарегистрировано в Минюсте России 3 октября 2014 г. № 34245 // Вестник Банка России. 2014. № 93.

⁶ См.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 8 сентября 2020 г. по делу № 88-16867/2020; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 9 июня 2020 г. № 88-11604/2020 // <https://4kas.sudrf.ru/>

⁷ СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁸ См.: Разъяснения по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (утверждены Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 марта 2020 г.) // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».

приостановление производства

финансовый уполномоченный

досудебный порядок

являемым к проведению дополнительной и повторной экспертизы.

Указанные два условия позволяют исключить ситуацию, когда суд произвольно назначает экспертизу только на том основании, что ходатайствующая об экспертизе сторона не согласна с выводами и решением финансового уполномоченного, вынесенным на основании ранее проведенной им независимой экспертизы. Тем более что сумма страхового возмещения по страховым спорам, вытекающим из договора ОСАГО, рассчитывается по Единой методике на всех стадиях прохождения спора.

В настоящее время суды прозорочных инстанций, как правило, признают необоснованными решения нижестоящих судов, вынесенные по результатам судебной экспертизы, если не была доказана ее необходимость и, как следствие, отсутствовали основания, предусмотренные статьей 87 ГПК РФ для ее проведения. Например, Ростовский областной суд отменил решение Аксайского районного суда Ростовской области о взыскании суммы страхового возмещения по иску гражданина к страховщику, поскольку в материалах дела имелись результаты экспертизы, проведенной страховой компанией и финансовым уполномоченным и установившей отсутствие оснований для страховой выплаты. Несмотря на это, суд первой инстанции назначил судебную экспертизу и положил ее результат в основу решения о взыскании страхового возмещения. При этом в судебном акте отсутствовало обоснование назначения дополнительной экспертизы по страховому спору⁹.

Еще одним критерием допустимости экспертного исследования, который позволяет истцу по страховому спору ссылаться на результаты такого исследования как на легитимное доказательство, является обязательный предварительный осмотр транспортного средства страховой компанией (см., например, ст. 12 Закона об ОСАГО).

Соответственно, если страховщиком не произведен осмотр и (или) независимая техническая экспертиза в связи с предоставлением потерпевшим недо-

стоверных сведений о том, что характер повреждений исключает представление поврежденного имущества или его остатков для осмотра или независимой технической экспертизы (оценки) по месту нахождения страховщика и (или) эксперта, то при разрешении спора заключение независимого эксперта, представленное потерпевшим в подтверждение своих требований, может быть признано судом недопустимым доказательством¹⁰.

В связи с вышесказанным при определении суммы страховой выплаты необходимо разрешить вопрос о том, предоставил ли страхователь достоверные сведения по страховому случаю как страховой компании, так и эксперту. Иными словами, суду следует оценить добросовестность сторон при организации осмотра автомобиля и проведении экспертного исследования: независимая экспертиза, проведенная без представления транспортного средства на осмотр страховой компании, не будет отвечать критерию допустимости доказательства по гражданскому делу.

Нужно сказать, что в настоящее время критерии допустимости такого доказательства, как заключение независимой технической экспертизы, организованной страхователем, ужесточились в связи с изменениями, внесенными в пункт 13 ст. 12 Закона об ОСАГО и вступившими в силу с 24 августа 2020 года. Теперь вопросы организации страхователем самостоятельной экспертизы и даты ее проведения должны обязательно согласовываться со страховой компанией¹¹.

Вместе с тем непредоставление транспортного средства страховщику

⁹ См. пункт 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Постановление Пленума № 58) // Бюллетень ВС РФ 2018. № 4.

¹⁰ См.: Федеральный закон от 25 мая 2020 г. № 161-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и приостановлении действия отдельных положений Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СЗ РФ. 2020. № 22. Ст. 3382.

¹¹ См.: Апелляционное определение Ростовского областного суда от 24 ноября 2020 г. по делу № 33-14060/2020 // <https://sudrf.ru>

страховая компания

независимая экспертиза

допустимость доказательства

для осмотра само по себе еще не влечет безусловного отказа в удовлетворении заявленных требований о взыскании суммы страхового возмещения, а только лишь усложняет доказывание тех обстоятельств, которые должны быть установлены в целях взыскания страхового возмещения.

В частности, страховая организация вправе отказать в страховой выплате, если ремонт поврежденного имущества или утилизация его остатков, осуществленные до осмотра страховщиком и/или проведения независимой технической экспертизы, независимой экспертизы (оценки) поврежденного имущества, не позволяют достоверно установить наличие страхового случая и убытков, подлежащих возмещению по договору обязательного страхования¹².

Это означает, что каждое обстоятельство предмета доказывания должно быть подтверждено достаточной совокупностью достоверных и допустимых доказательств.

Без осмотра экспертом транспортного средства достоверно определить наступление страхового случая, как правило, невозможно.

Если транспортное средство может быть представлено эксперту и суд прямо указывает в своем определении на необходимость его представления на исследование, но владелец не исполняет это указание, то такое его бездействие может быть расценено судом как недобросовестное поведение со всеми вытекающими из этого неблагоприятными последствиями.

Таким образом, на стадии принятия решения о назначении экспертизы суду следует разрешить вопрос о состоянии транспортного средства и о возможности либо отсутствии возможности проведения его экспертного осмотра.

При этом определение суда о назначении экспертизы должно содержать указание на то, какими конкретно документами и материалами эксперту следует руководствоваться при проведении экспертизы, поскольку эксперт не вправе самостоятельно выбирать требующиеся для проведения экспертизы материалы.

Обжалование определения о назначении судебной экспертизы

В связи с введением в действие Закона № 123-ФЗ, по мнению автора, представляет интерес вопрос обжалования определений о назначении судебной экспертизы по исследуемой категории дел с точки зрения обоснованности приостановления производства по делу.

Прежде всего отметим, что в силу нормы статьи 331 ГПК РФ определение суда о назначении экспертизы как не препятствующее движению дела обжалованию в суд апелляционной инстанции не подлежит.

Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре от 14 декабря 2011 г. назвал правильной и согласующейся с положениями статей 104 и 218 ГПК РФ позицию судов, считающих, что определение суда о назначении экспертизы может быть обжаловано только в части вопросов, связанных с судебными расходами, а также с приостановлением производства по делу. Разрешение иных вопросов не препятствует движению дела, в связи с чем в силу статей 331 и 371 ГПК РФ такое определение не подлежит обжалованию в кассационном (апелляционном) порядке.

Из этого следует, что результаты оценки заключения эксперта могут быть оспорены в вышестоящий суд лицом, участвующим в деле, только вместе с итоговым судебным постановлением в порядке, установленном ГПК РФ. Иначе говоря, все недостатки, связанные с порядком назначения экспертизы, не могут быть предметом оценки вышестоящего суда по частной жалобе и должны учитываться только при рассмотрении доводов апелляционной жалобы.

С учетом позиции Верховного Суда Российской Федерации возникает вопрос: какие именно обстоятельства являются предметом оценки суда провальной инстанции при обжаловании определения суда о назначении экспертизы в части приостановления производства по делу? В силу статьи 216 ГПК РФ приостановление производства по делу в случае назначе-

¹² См.: пункт 17 Постановления Пленума № 58.

обжалование определения

экспертный осмотр

состояние транспортного средства

ния экспертизы является правом суда, следовательно, практически во всех случаях суд принимает соответствующее решение правомерно. Тем не менее практике известны случаи, когда лица, участвующие в деле, обжалуют определения о назначении экспертизы, ссылаясь на нецелесообразность приостановления производства по делу.

Например, Октябрьский районный суд г. Ростова-на-Дону, рассматривая иск А. к акционерному обществу «Группа Ренессанс Страхование» о взыскании страхового возмещения, неустойки, штрафа, компенсации морального вреда, назначил комплексную трасологическую и автотовароведческую экспертизу.

В частной жалобе апеллиант – «Группа Ренессанс Страхование» – в качестве основания для отмены определения суда указывал на то, что сам по себе факт несогласия истца с результатом организованного финансовым уполномоченным экспертного исследования не является безусловным основанием для назначения судебной экспертизы. Кроме того, по словам апеллианта, в материалах дела имелись экспертное исследование финансового уполномоченного и оценка страховщика, противоречий между которыми не усматривалось.

Судебная коллегия Ростовского областного суда посчитала, что нижестоящий суд преждевременно пришел к выводу о назначении судебной экспертизы, не указав предусмотренных процессуальным законом оснований ее назначения, что повлекло незаконное приостановление производства по делу¹³.

Существенные нарушения процессуального порядка проведения судебной экспертизы неизбежно ставят под сомнение правильность самих выводов эксперта.

С учетом этого при рассмотрении приведенных в частной жалобе (представлении прокурора) возражений относительно приостановления про-

изводства по делу, по мнению автора, целесообразно исходить из наличия оснований для назначения судом первой инстанции экспертизы, объема исследуемых материалов и сложности выполняемой экспертом работы.

Проведение судебных экспертиз по основаниям статьи 87 ГПК РФ предполагает эффективное действие Закона № 123-ФЗ на стадии досудебной процедуры, в рамках которой финансовый уполномоченный рассматривает спор между потребителем финансовой услуги и финансовой организацией по существу.

По смыслу статьи 15 Закона № 123-ФЗ, все споры, отнесенные к компетенции финансового уполномоченного, должны решаться не судом, как это зачастую случается на практике, а именно финансовым уполномоченным. Соответственно, одно только несогласие истца с решением финансового уполномоченного не должно быть формальным поводом ни для проведения судебной экспертизы по делу, ни для вынесения нового решения.

Проверяя законность требований потребителя финансовой услуги, суд не должен подменять собой финансового уполномоченного. При наличии объективных причин, обуславливающих необходимость проведения дополнительной или повторной экспертизы, суд проверяет доводы истца о правомерности присужденного ему страхового возмещения с учетом всех обстоятельств дела, в том числе и материалов, представленных финансовым уполномоченным.

Судебная практика по данной категории споров еще только формируется, но уже те немногие, в том числе упомянутые в статье, примеры судебных актов, на наш взгляд, свидетельствуют о стремлении судов пресечь дублирование экспертиз по страховым спорам и, как следствие, избежать неосновательного приостановления производства по делу.

Вырабатываемые судами подходы очевидно направлены на оптимизацию процесса рассмотрения дел данной категории и обеспечивают эффективное действие Закона № 123-ФЗ на стадии досудебного урегулирования спора.

оценка страховщика

экспертное исследование

судебная практика

¹³ См.: апелляционное определение Ростовского областного суда от 28 октября 2020 г. по делу № 33-12689/2020 // <https://sudrf.ru>

Эксперт и его роль в повышении эффективности отправления правосудия в суде с участием присяжных заседателей

Алексей Александрович Ильухов

Смоленский государственный университет,
кафедра уголовного права, уголовного процесса,
доцент,
Саратовская государственная юридическая академия (Смоленский филиал),
кафедра уголовно-правовых дисциплин,
доцент, кандидат юридических наук
г. Смоленск, Россия

Марина Владимировна Курпас

Смоленский областной суд,
судья,
кандидат юридических наук
г. Смоленск, Россия

Аннотация. В статье авторы рассуждают о важности заключения экспертиз для суда с участием присяжных заседателей с позиции осуществления процесса доказывания и установления истины по делу. Сравнивается степень влияния на присяжных заседателей общеизвестных фактов и экспертных заключений, а также исследуется степень доверия присяжных заседателей к заключениям эксперта, носящим вероятностный характер. Раскрываются объективные и субъективные факторы, влияющие на уровень восприятия присяжными заседателями выводов экспертных исследований.

Ключевые слова: уголовный процесс, заключение эксперта, суд присяжных заседателей, процесс познания

Experts and their role in raising effectiveness of the administration of justice in a court with the participation of jurors

Aleksey Aleksandrovich Ilyukhov, Smolensk State University, Criminal Law and Criminal Procedure Department, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Smolensk Branch), Department of Criminal-law Disciplines, Associate Professor, Candidate of Laws, Smolensk, Russia

Marina Vladimirovna Kurpas, Smolensk Regional Court, Judge, Candidate of Laws, Smolensk, Russia

Annotation. In this article the authors reflect upon the importance of expert reports for courts with the participation of jurors from the point of view of the process of proving the facts and establishing truth. They compare the degree of influence that is exerted on jurors by well-known facts and by expert reports, and study the degree of jurors' confidence in expert reports of a probabilistic nature. They disclose objective and subjective factors that have impact on the level of jurors' perception of the conclusions formulated in expert reports.

Keywords: criminal proceedings, expert report, courts with the participation of jurors, cognitive process

Проводя анализ производства в суде присяжных заседателей, следует обратиться к вопросу эффективности экспертной деятельности, поскольку выводы эксперта представляют особую значимость в ходе установления истины по уголовному делу из-за особенностей восприятия их присяжными заседателями.

Специфика производства уголовных дел, подлежащих рассмотрению присяжными заседателями, позволяет утверждать, что порой общеизвестные факты больше влияют на мнение присяжных заседателей, чем результаты экспертных исследований, поскольку они в значительной мере укореняются в сознании граждан, воспринимаясь ими как неопровержимая истина, тогда как заключение эксперта кажется менее достоверным фактом.

Освещая вопрос несоответствия заключения эксперта общеизвестным фактам, что влечет его восприятие присяжными заседателями как менее достоверного, следует отметить, что такая ситуация может быть обусловлена характерными особенностями восприятия гражданами определенно повторяемых жизненных явлений на уровне эмпирического, эмоционального сознания, приводящими к их общему признанию. Соответственно, категоричность выводов эксперта, которые идут вразрез с общепринятыми общечеловеческими познаниями, воспринимаемыми как неопровержимый факт, способно породить сомнения в достоверности такого заключения.

Однако, по мнению О.В. Левченко, общеизвестные факты, которые на первый взгляд не вызывают сомнений, также следует подтверждать иными доказательствами¹, так как обыденное познание того или иного факта может быть ошибочным² по причине динамично развивающегося научного познания, которое формирует обыденный факт, а присяжные заседатели это

динамичное развитие не всегда могут отследить.

Специальные познания в различных отраслях науки и техники важны, поскольку в современной действительности преступления совершаются и с использованием передовых технологий, а потому без их применения раскрыть и расследовать преступления бывает сложно, и тогда их применение необходимо. И хотя выводы экспертиз могут не соответствовать общеизвестным фактам, что может отрицательно сказаться на их восприятии присяжными заседателями, все же эти выводы направлены в познавательное русло, с тем чтобы привнести новые сведения, значимые для установления истины по делу.

Из-за постоянного развития научно-технического прогресса признаваемые ранее наукой факты способны приобрести несколько иной смысл и содержание, изменяя тем самым представление об истине. К примеру, не вызывал сомнений факт, что огнестрельное оружие – это изделие промышленного производства, соответственно, постановка вопроса «Является ли представленный для исследования пистолет Макарова или ТТ огнестрельным оружием?» вызывала недоумение³. Однако с развитием научно-технического прогресса оружие стало возможным переделывать из небоевого в боевое или производить непромышленным путем, используя новые материалы (например, композитные, высококачественные полимерные) и оборудование (3D-принтеры).

Технический прогресс способен изменить общее познание присяжных заседателей, сформировав новое убеждение. И от того, насколько логично, доступно, объективно, в необходимом для усвоения объеме эксперт, а затем председательствующий, государственный обвинитель или адвокат (защитник) в рамках этого экспертного заключения представили знания об исследуемом факте присяжным заседателям, будет зависеть уровень познания последних.

¹ См.: Левченко О.В. Общеизвестные факты как средства уголовно-процессуального доказывания // Государство и право. 2002. № 8. С. 49.

² См.: Видичев Д.В., Штоф В.А. Диалектика обыденного и научного знания // Философские науки. 1980. № 4. С. 51.

³ См.: Ильина А.М. Обязательное использование специальных познаний: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 31.

Причем условия для восприятия присяжными заседателями экспертного заключения нельзя точно выразить в абсолютных величинах, таких как выбор необходимого объема текста экспертного заключения, формулирование его из простых или сложных предложений, оптимально необходимый объем терминов⁴, тактика зачитывания⁵ и т.д. В каждом конкретном случае порядок, характер и объем представляемых присяжным заседателям результатов экспертного заключения индивидуален, а значит, индивидуален и уровень их восприятия присяжными заседателями, так как он зависит от коммуникативной успешности информации, содержащейся в экспертном заключении. Если она двусмысленна, громоздка для усвоения, сами выводы объемны по содержанию, то существует вероятность слабого ее усвоения⁶, притом что на усвояемость влияют и субъективные факторы.

К субъективным факторам можно отнести уровень образования как самих присяжных заседателей, так и судьи, государственного обвинителя, адвоката, уровень их компетентности, таких индивидуальных особенностей присяжного заседателя, как степень его интеллекта, привычки, склонности, личные интересы, отношение к исследуемым обстоятельствам. Причем, как

справедливо отмечает И.В. Овсянников, аргументы сторон процесса будут одинаковы для всех присяжных заседателей, однако их выводы относительно причастности или непричастности подсудимого к совершению преступления будут отличаться⁷.

Из этого следует, что уровень познания присяжных заседателей может меняться из-за постоянного изменения поступающей к ним информации, что ведет к изменению представления об исследуемом факте. При этом и сам характер изменения представлений у присяжных заседателей индивидуален и, по справедливому мнению Ю.К. Орлова, может быть ошибочным, даже несмотря на их жизненный опыт и здравый смысл, и может формироваться новое, порой ошибочное представление об исследуемом событии⁸.

В связи с этим проф. Е.Р. Россинская полагает, что не следует опираться лишь на житейский опыт и здравый смысл, поскольку этого бывает недостаточно и необходимы в том числе дополнительные познания⁹ и более высокий интеллектуальный уровень самого присяжного заседателя. Это приводит к вопросу: какие требования должны предъявляться к присяжным заседателям, когда от них требуется провести оценку сложных в понимании доказательств, требуются ли от них специальные познания и более высокий уровень интеллекта? Разрешение этого вопроса видится в порядке отбора и формирования коллегии присяжных заседателей, так как характер отдельных экспертных исследований и их результаты сложны для понимания не только для судьи и присяжных заседателей, но и для узких специалистов. Поэтому порой судье сложно как донести в доступной форме результаты экспертиз до сведения присяжных заседателей, так и самому уяснить их содержание.

⁴ К примеру, если в заключении эксперта присутствует значительный объем, скажем, биологических терминов, связанных с определением группы крови, обнаруженной на месте преступления, то из общего объема полученной информации они скорее уяснят, принадлежит ли эта группа крови потерпевшему, подсудимому или другому лицу.

⁵ Порой сторона процесса или председательствующий судья оглашает текст экспертизы, даже сам не понимая его смысла, одновременно читая его в быстром темпе либо невнятно, путая термины, что не лучшим образом отражается на восприятии такого заключения присяжными заседателями.

⁶ Представляется, присяжным заседателям сложно понять смысл таких выводов эксперта, как «массивное кровоизлияние... в окружности кожной раны по ходу раневого канала, направленного спереди назад почти горизонтально, чуть справа налево», что в целом не способствует их общему пониманию картины произошедшего события.

⁷ См.: Овсянников И.В. К вопросу о вероятном заключении эксперта // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 57.

⁸ См.: Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М., 1995. С. 6.

⁹ См.: Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». М., 2002. С. 24.

уровень образования
житейский опыт
здравый смысл

В ряде случаев это может быть не критично, поскольку выводы эксперта могут подкрепляться подсознательным доверием и положительной реакцией на них со стороны присяжных заседателей из-за научного стиля изложения заключения, применяемых научных методов исследования. Но если доверие отсутствует, в том числе из-за опровержения экспертом общеизвестных фактов или вероятностного характера выводов, то они могут быть не восприняты присяжными заседателями, и чтобы избежать этого, выводы эксперта должны быть более точными.

К примеру, молекулярно-генетическая экспертиза точнее устанавливает принадлежность следов тому или иному лицу, соответственно, ее проведение в суде присяжных заседателей имеет большее доказательственное значение, нежели биологическая экспертиза, потому что выводы последней носят вероятностный характер, воспринимаясь присяжными заседателями как менее достоверные факты. Вместе с тем, хотя генетические экспертизы по праву претендуют на звание золотого стандарта¹⁰ по ряду наиболее сложных уголовных дел об убийствах, не менее значимое место занимают медико-трасологические исследования механизма образования следов крови. В ряде случаев заключения такого рода экспертиз имеют явное преимущество перед ДНК-анализом¹¹.

К заключениям эксперта, которые носят вероятностный характер, можно отнести заключение криминалистической экспертизы по микроволокнам, в выводах которой указывается только на присутствие микроволокон, входящих в состав ткани одежды подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего. Аналогичная ситуация

складывается и в процессе проведения биологической экспертизы, где отмечается, что обнаружена кровь определенной группы, которая могла принадлежать как обвиняемому или потерпевшему, так и любому другому лицу с аналогичной группой крови. Дать должную оценку подобным выводам и правильно их интерпретировать способен только профессиональный юрист, знающий специфику и методику доведения таких сведений до присяжных заседателей, что отмечает и судебная практика¹².

Объективности ради следует отметить, что отдельные экспертные заключения изначально носят вероятностный характер¹³, усугубляя си-

¹² Так, 19 сентября 2011 г. Алтайским краевым судом вынесен оправдательный приговор в отношении Плугатыря С.Б. по части 1 ст. 105, части 3 ст. 30, пункту «а» ч. 2 ст. 105, части 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 Уголовного кодекса Российской Федерации (СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954), который в ходе распития спиртных напитков с Фефиловым и Шуваловой на почве личных неприязненных отношений кухонным ножом нанес им множественные ранения. Убедившись, что потерпевшие не подадут признаков жизни, с целью скрыть содеянное Плугатырь поджег квартиру и скрылся с места происшествия. В результате совершенного преступления Фефилов скончался в больнице, Шуваловой причинен тяжкий вред здоровью. Изученные материалы показали, что одним из оснований вынесения оправдательного приговора явилось то обстоятельство, что по обнаруженным биологическим следам на вещественных доказательствах вместо молекулярно-генетических были назначены и проведены судебно-биологические экспертизы, которые сделали только вероятностный вывод (по группе крови) о возможности образования следов от обвиняемого Плугатыря, что не убедило присяжных в его причастности к совершению преступлений (см.: Аналитическая справка анализа материалов следственно-судебной практики по уголовным делам, оконченным производством следователями территориальных следственных подразделений за период 2010–2013 гг., по которым на основании постановленного оправдательного вердикта вынесены оправдательные приговоры // Материалы обзора, подготовленного Институтом повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации. М., 2013).

¹⁰ См.: Пименов М.Г. Теоретические и методологические основы судебно-генетической экспертизы тканей и выделений человека: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

¹¹ См.: Хорошева А.Е. Тактико-криминалистическое обеспечение исследования в суде с участием присяжных заседателей вещественных доказательств со следами крови // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 3 (101). С. 183.

¹³ В ходе судебного следствия с участием присяжных заседателей по уголовному делу № 2-1/2010 по обвинению двух лиц среди прочего в бандитизме, квалифицированных убийствах, особо квалифицированных разбойных нападениях, половых

туаацию тем, что они могут входить в противоречие с общеизвестными фактами и это ставит степень их достоверности для присяжных заседателей под сомнение. Данная ситуация породила научные диспуты о степени доказательственной значимости экспертных заключений, носящих вероятностный характер¹⁴.

Противники таких выводов по экспертным исследованиям полагают, что значимую роль в оценке присяжными заседателями доказательств они играть не могут, так как обвинительный приговор не строится на предположениях, на что указывает и содержание части 4 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации^{15, 16}.

С этой позицией в рамках рассмотрения уголовных дел судами с участием присяжных заседателей в определенной мере можно согласиться, поскольку все же с тактической

точки зрения предпочтение следует отдавать экспертизам, в заключениях которых отсутствуют вероятностные выводы¹⁷.

Вместе с тем в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹⁸ отмечается, что заключение эксперта, носящее вероятностный характер, не является предположением, а значит, не может признаваться недопустимым доказательством. Не всеми представителями научного сообщества это воспринимается однозначно, и отдельные ученые усомнились в доказательственном значении вероятностных заключений эксперта¹⁹.

Поэтому представляется, что, хотя разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации и имеют логическое обоснование, реализовывать на практике их следует с учетом особенностей производства в суде присяжных заседателей, поскольку имеются риски возникновения у присяжных недоверия к результатам экспертных исследований, носящих вероятностный характер.

Минимизировать такие риски можно, применяя современные методы проведения экспертных исследований, исключая вероятностные выводы. Кроме того, и сам текст экспертного заключения должен быть понятен, т.е. его выводы должны быть доступны, что обеспечивается сторонами процесса. Но ввиду того, что исполнение данного требования во многом зависит и от ясности этих выводов самим сторонам процесса, реализовать указанное требование не всегда представляется возможным, притом что и сами стороны порой эти выводы интерпретируют в свою пользу, что не служит интересам достижения истины по уголовному делу. ■

преступлениях коллегия присяжных исследовала, в частности, заключение эксперта от 20 ноября 2008 г. № 4113/04-1, «согласно которому на представленных предметах одежды Т-ной в общей массе поврежденных имеются колото-резаные, причиненные предметом, имеющим острие и лезвие, то есть это мог быть клинок ножа (ножей)». По уголовному делу № 2-27/2009 в отношении пяти лиц, обвиненных в преступлениях, в числе которых совершённые по мотивам национальной ненависти, присяжные заседатели исследовали заключение судебной биологической экспертизы от 5 февраля 2009 г. № 68, которым «установлено, что на манжете правого рукава куртки К-на найдена кровь человека группы АВ. Размеры следа указывают на возможное происхождение крови в нем от одного человека. Им мог быть (в пределах системы АВО) потерпевший М-в или сам обвиняемый К-н, относящийся к этой группе» (цит. по: Босов А.Е. Суд присяжных. Заключение эксперта как доказательство в суде присяжных // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 39).

¹⁴ См.: Васяев А.А. Процессуальный порядок производства и исследования судебной экспертизы в ходе судебного следствия // Современное право. 2012. № 1. С. 128–132; Ульянова Л.Т. Заключение и показания эксперта // Уголовный процесс: учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 239.

¹⁵ Российская газета. 22 декабря 2001 г.

¹⁶ См.: Ульянова Л.Т. Указ. соч.

¹⁷ См.: Овсянников И.В. Указ. соч.

¹⁸ Российская газета. 30 декабря 2010 г.

¹⁹ См.: Быков В.М. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о судебной экспертизе по уголовным делам: научный комментарий // Право и политика. 2011. № 2. С. 221.

достижения истины
вероятностные выводы
уголовный процесс

Вопросы для экспертизы по уголовным делам, связанным с оборотом порнографических материалов

Ольга Николаевна Ярошенко
Нижегородский областной суд,
судья,
доцент, кандидат юридических наук,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы правового регулирования преступлений против общественной нравственности и значение судебной экспертизы. Автором рассматриваются некоторые аспекты экспертно-криминалистической деятельности, а также проведения судебной экспертизы по делам, связанным с оборотом порнографических материалов. По результатам исследования сделаны выводы, касающиеся роли и содержания судебной экспертизы в отношении преступлений против общественной нравственности.

Ключевые слова: общественная нравственность, преступления против общественной нравственности, судебная экспертиза, материалы и предметы порнографического характера, правовое значение и методология экспертного исследования

Questions for expert examinations in criminal cases related to the distribution of pornographic materials

Olga Nikolaevna Yaroshenko, Nizhny Novgorod Regional Court, Judge, Associate Professor, Candidate of Laws, Nizhny Novgorod, Russia

Annotation: The article deals with the issues of the legal regulation of crimes against public morality and of the importance of expert examinations. The author studies certain aspects of forensic expert activities and of conducting forensic expert examinations in cases related to the distribution of pornographic materials. The author draws conclusions in respect of the content of expert examinations in cases related to crimes against public morality.

Keywords: public morality, crimes against public morality, forensic expert examination, pornographic materials and objects, legal importance and methodology of expert examinations

Преступления против общественной нравственности – это особая группа деяний, которые в настоящее время становятся одной из наиболее серьезных проблем для многих стран мира, в том числе и России. По этой причине и вопросы взаимосвязи уголовного законодательства, уголовного права и нравственности привлекают к себе все больше внимания.

Преступления против общественной нравственности – это общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом (см. ст. 240–242¹ Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ)), посягающие на физическое, психическое и социальное благополучие жителей и на принятые в обществе правила поведения, основанные на идеалах добра, долга, чести и совести.

Объектом указанной категории преступлений выступает совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную нравственность в сфере взаимоотношения полов и формирования половой культуры общества².

Правильной квалификации преступлений против общественной нравственности, в том числе цели всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию, может послужить более полное использование достижений науки и техники.

В частности, в случаях, когда для установления имеющих для дела обстоятельств, подлежащих доказыванию, возникает необходимость исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле, которые выходят за рамки знаний об общеизвестных фактах, общеобразовательной и профессиональной подготовки, назначается судебная экспертиза³. В силу требований части 2 ст. 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴

(далее – УПК РФ) судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями в соответствующей области. Являясь доказательством по делу, результаты экспертизы подлежат оценке со стороны всех субъектов доказывания.

Экспертизы квалифицируются по видам специальных знаний, использование которых необходимо для разрешения определенных вопросов. По этому критерию, например, выделяют следующие виды экспертиз: криминалистические, медицинские и психофизиологические, экономические, лингвистические, историко-культурные, психолого-лингвистические, политологические, религиозно-этические и исторические и др.⁵

В зависимости от оснований назначения экспертизы также могут быть первоначальными, дополнительными, повторными (ст. 207 УПК РФ).

По уголовным делам, связанным с оборотом порнографических материалов, проведение экспертизы является обязательным.

Так, на основании экспертизы можно установить порнографические характеристики предметов и материалов, в том числе связанные с изображениями несовершеннолетних, поскольку они выступают в качестве необходимого признака состава преступления, являясь тем самым одним из главных обстоятельств, подлежащих доказыванию и установление которых невозможно без экспертного исследования⁶.

Иными словами, в судебной практике для разрешения уголовных дел, связанных с незаконным изготовлением и оборотом порнографических материалов и предметов, требуется определить характер материалов или предметов порнографического характера, что реализуется на основе заключения, выданного экспертом по итогам соответствующих исследований (искусствоведческих, литературоведческих, сексологических, культуроведческих).

¹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См.: *Надысева Э.Х.* Актуальные вопросы интерпретации «вовлечение в занятие проституцией» в доктрине уголовного права // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 116–119.

³ См.: *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации* / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2007. С. 25.

⁴ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁵ См.: *Сахнова Т.В.* Судебная экспертиза. М., 2000. С. 92.

⁶ См.: *Нагаев В.В.* Эротика и порнография. Критерии различий. Проблемы правовой оценки и экспертизы: монография. М., 2009. С. 286–287.

общественная нравственность

методология экспертизы

уголовное судопроизводство

Вопросы по уголовно-правовой связи порнографии

Например, в рамках сексологической экспертизы при определении возраста несовершеннолетнего, запечатленного на фото- и видеоматериалах, учитываются такие признаки, как рост изображенного и его соотношение с ростом среднестатистического взрослого человека, пропорции тела, строение мочеполовых органов. Отмечаются признаки, характеризующие психологическую атмосферу на фото или видео: можно ли вести речь о запугивании, обмане, введении в заблуждение, наличествуют ли элементы страха, слез, беспомощности, подавленности. Если на видео присутствует также взрослый, исследуются его манеры, речь, поведение – например, есть ли в них покровительственный или соблазнительный тон. Не следует забывать и о глазном отличии порнографии от произведений искусства: первая не имеет художественной и научной ценности, в то время как вторые воспевают эстетическую красоту человеческого тела.

В ходе экспертиз по уголовным делам, связанным с оборотом порнографических материалов, специалистам в области медицины, педагогики и юриспруденции нужно оценить:

- имеются ли в представленных на экспертизу материалах сцены сексуального насилия или жестокого обращения;
- сколько человек участвуют в сексуальных действиях;
- имеются ли основания утверждать, что в представленных материалах демонстрируются сексуальные действия, совершение которых в современной психиатрии считается показателем отклонений психики (аномалий);
- можно ли утверждать, что участниками сексуальных действий или сцен являются именно несовершеннолетние либо что изображаются их половые органы.

Экспертиза видеопроизведения также призвана ответить на конкретные вопросы: является ли исследуемый фильм порнографическим и если да, то какие именно признаки свидетельствуют об этом. Подобные экспертизы являются комиссионными, и в соответствующую комиссию включаются представители сфер культуры, искусства, а также сотрудники Министерства юстиции Российской Федерации, правоохранительных органов и общеобразовательных учреждений.

Кроме того, для оценки видеофильмов необходимо привлекать специалистов в области кино и телевидения.

Рассмотрим пример из практики.

М. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного пунктами «а», «б», «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ (изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями в отношении лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста; с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей).

Как следует из материалов уголовного дела, у М. возник преступный умысел, направленный на приобретение, хранение в целях распространения и распространение через файлообменный интернет-сервис *Shoreado* видеоматериалов с порнографическими изображениями лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Обладая достаточными знаниями в области пользования компьютерной техникой и имея практический опыт работы в сети Интернет, используя персональный компьютер с системным блоком, модем и роутер, подключенный к сети передачи данных, реализуя свой преступный умысел, М. скачал находящееся в свободном доступе в Сети программное обеспечение, позволяющее пользователям обмениваться файлами по электронным пиринговым сетям, и установил его на локальный диск своего компьютера. Затем вышел в сеть Интернет, где умышленно распространил файлы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, предоставив к ним общий доступ.

При рассмотрении уголовного дела были проведены судебно-искусствоведческая, компьютерная и комплексная психолого-психиатрическая судебная экспертиза, по итогам которых было установлено, что предоставленные М. материалы содержат порнографическое изображение лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста⁷.

В частности, перед экспертами судебно-искусствоведческой экспертизы были поставлены следующие вопросы:

⁷ Приговор Автозаводского районного суда Нижегородской области от 15 декабря 2015 г. // Архив Автозаводского районного суда Нижегородской области.

специальные знания
оборот порнографических материалов
незаконное изготовление

– имеются ли в представленном на экспертизу файле материалы порнографического содержания? если да, то по каким признакам они могут быть признаны таковыми?

– имеются ли в представленном на экспертизу файле изображения лиц, заведомо не достигших восемнадцатилетнего возраста? если да, то какие признаки об этом свидетельствуют?

– имеются ли в представленном на экспертизу файле изображения лиц, заведомо не достигших четырнадцатилетнего возраста? если да, то какие признаки об этом свидетельствуют?

В ходе искусствоведческой судебной экспертизы было установлено, что на представленном экспертам компакт-диске содержатся материалы именно порнографического содержания, в том числе порнографические изображения лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

Проведение компьютерной судебной экспертизы по данному делу было поручено экспертам ЭКЦ ГУ МВД России Нижегородской области. Перед ними были поставлены следующие вопросы:

– возможно ли осуществление доступа к сети Интернет с использованием представленных на исследование аппаратных устройств? если да, то каким образом осуществлялся доступ?

– имеется ли на представленных объектах программное обеспечение, позволяющее осуществить работу в сети Интернет? если да, то какое программное обеспечение?

– имеются ли на представленных объектах следы работы в сети Интернет в указанный период времени? если да, то какие страницы сети Интернет посещались?

– имеются ли среди переданных и полученных сообщений с прикрепленными файлами материалы с изображением половых органов и обнаженных людей?

Наконец, в рамках комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы перед экспертами были поставлены вопросы:

– страдает ли М. каким-либо психическим расстройством или заболеванием? если да, то каким именно и может ли он осознавать фактический характер и

общественную опасность своих действий и руководить ими?

– не находился ли М. в момент инкриминируемого ему деяния в каком-либо временном расстройстве психической деятельности?

– мог ли М. осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими?

– может ли М. в настоящее время по своему психическому состоянию принимать участие в судебно-следственном процессе, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания?

– нуждается ли М. в принудительных мерах медицинского характера?

– каковы индивидуально-психологические особенности М. и как они влияют на его поведение в инкриминируемом деянии?

– с учетом индивидуально-психологических особенностей М. может ли он правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания, в том числе и в настоящее время?

В результате рассмотрения дела М. был осужден к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Приговор суда вступил в законную силу.

В завершение отметим, что экспертиза представляет собой, пожалуй, самое затратное по времени, сложное и громоздкое следственное действие, без которого не может обойтись ни одна процессуальная система и которое субъект доказывания ни юридически, ни фактически не в состоянии произвести собственными силами. Своевременность назначения и последовательность подготовки экспертизы по уголовным делам, связанным с оборотом порнографических материалов, обеспечивает оперативность и полноту всего расследования по уголовным делам данной категории. Экспертиза по уголовным делам данной категории имеет важное процессуальное значение, поскольку является доказательством по делу и позволяет суду получить профессиональную оценку степени соответствия объекта заданным характеристикам, полученным при расследовании конкретного дела.

оценка видеофильмов
психологическая атмосфера
жестокое обращение

Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по кредитным спорам за первое полугодие 2020 года

Марек Викторович Петрухин
Муромский городской суд Владимирской области,
судья,
кандидат юридических наук
г. Муром, Россия

Аннотация: Проведенное автором исследование показало, что практика нижестоящих судов по вопросам взимания комиссий за совершение банковских операций, обращения взыскания на имущество, заложенное в обеспечение кредитных обязательств, исчисления срока исковой давности по требованиям о взыскании задолженности по кредитным договорам не отличается единообразием, что привело к необходимости вмешательства высшей судебной инстанции.

Ключевые слова: кредитный договор, комиссии за совершение банковских операций, легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем

Review of legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation in credit-related disputes (January – June 2020)

Marek Viktorovich Petrukhin, Murom Town Court of Vladimir Region, Judge, Candidate of Laws, Murom, Russia

Annotation: The study conducted by the author has demonstrated that the practice of lower courts concerning the issues of charging fees for carrying out bank operations, of foreclosure in respect of the assets guaranteeing credit obligations, and of calculating prescription time-limits in respect of claims for recovery of debts under credit contracts lacks uniformity, which makes it necessary for the higher judicial body to interfere.

Keywords: credit contract, charging fees for carrying out bank operations, legalisation (laundering) of the proceeds from crime

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2020 г. № 18-КГ19-154¹

Поскольку с момента отзыва лицензии банку запрещается совершать сделки со своим имуществом, в том числе исполнять обязательства, то списание денежных средств со счета заемщика в счет обязательств по кредитному договору является незаконным, так как приводит к зачету встречных требований, уменьшает имущество банка и нарушает права иных кредиторов банка.

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2020 г. № 78-КГ19-52

На момент заключения договора банковского счета (9 декабря 2016 г.) действовала комиссия за перевод денежных средств на карту иного банка в размере 1%, но не менее 30 руб., независимо от того, закрывает счет потребитель или нет.

Комиссия в размере 10% за перевод остатка денежных средств при закрытии банковского счета введена ответчиком в одностороннем порядке 24 апреля 2017 года.

Соглашаясь с односторонним изменением банком договора банковского счета, суд апелляционной инстанции не указал, какие именно действия истицы позволили однозначно прийти к выводу о том, что она дала согласие на изменение договорных условий относительно комиссии.

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2020 г. № 5-КГ19-240

Указание в договоре цессии на размер основного долга и начисленных к моменту заключения договора процентов, право на которые в том числе переходит к цессионарию, само по себе не означает, что договором каким-либо образом ограничен объем перехода прав по отношению к тому, как это определено законом. Напротив, пункт 1.3 договора цессии прямо предусматривает переход всех прав по кредитному договору в полном объеме.

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2020 г. № 5-КГ19-243

Ввиду того, что денежные средства в размере, необходимом для погашения кредитных обязательств, внесены Щ. в кассу Банка «С.» и зачислены на корреспондентский счет указанного банка до формирования картотеки непоплаченных платежных поручений, оснований для вывода о том, что кредитные обязательства ответчика не были прекращены надлежащим исполнением, не имеется.

¹ Здесь и далее информация о делах приводится по данным ГАС «Правосудие».

Определения Верховного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2020 г. № 16-КГ19-45, № 16-КГ19-46

Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»² (далее – Закон № 115-ФЗ) не предусматривает право на взимание банком повышенного размера комиссии за зачисление поступивших в безналичном порядке денежных средств на счет физического лица от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на сумму свыше 600 000 руб. вследствие признания им такого зачисления сомнительной сделкой.

Установление кредитной организацией повышенного размера комиссионного вознаграждения при совершении клиентами отдельных видов операций, в частности по переводам денежных средств с банковских счетов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на банковские счета физических лиц, в связи с признанием такой операции сомнительной по смыслу Закона № 115-ФЗ не может быть обусловлено и положениями абзаца первого ст. 29 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»³, согласно которым процентные ставки по кредитам и (или) порядок их определения, в том числе определение величины процентной ставки по кредиту в зависимости от изменения условий, предусмотренных в кредитном договоре, процентные ставки по вкладам (депозитам) и комиссионное вознаграждение по операциям устанавливаются кредитной организацией по соглашению с клиентами, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Между тем Закон № 115-ФЗ не предусматривает возможности установления такого комиссионного вознаграждения.

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2020 г. № 19-КГ20-3

Для заключения договора залога недвижимости как сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации, в соответствии с пунктом 3 ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации⁴ требовалось нотариально удостоверенное согласие К.В.Г. на совершение сделки при условии нахождения К.В.Г. в браке с К.П.П. на момент ее совершения.

² Российская газета. 9 августа 2001 г.

³ Российская газета. 10 февраля 1996 г.

⁴ Российская газета. 27 января 1996 г.

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2020 г. № 36-КГ19-10

Сами по себе отсутствие отметок о залоге в паспорте транспортного средства, наличие у продавца оригинала паспорта транспортного средства, отсутствие ограничений в органах ГИБДД при регистрации перехода права собственности на автомобиль не являются основанием для признания лица добросовестным приобретателем заложенного спорного автомобиля, поскольку для учета залога движимого имущества предусмотрен специальный порядок (регистрация в реестре уведомлений о залоге движимого имущества) и банком предприняты установленные законом и достаточные меры для информирования всех заинтересованных лиц о наличии залога спорного автомобиля.

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2020 г. № 45-КГ19-13

Учитывая, что временное необращение взыскания на заложенное имущество было обусловлено исключительно фактом предоставления рассрочки исполнения решения суда, заявитель не лишен возможности повторно обратиться в суд с иском требованием об обращении взыскания на заложенное имущество в связи с прекращением такой рассрочки.

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2020 г. № 18-КГ20-6

Увеличение процентной ставки по кредиту без согласия поручителей не влечет прекращение поручительства в полном объеме. В этом случае поручитель будет отвечать перед кредитором на первоначальных условиях обеспеченного обязательства.

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 мая 2020 г. № 19-КГ20-8

Надлежащим исполнением обязательств по заключенному Д. кредитному договору, прекращающим обязательства, являлся возврат долга. Наступление страхового случая как основание прекращения поручительства в договоре не указано, в силу закона страховой случай также не является основанием для прекращения кредитного договора и заключенного в его обеспечение договора поручительства. Наличие соглашения сторон либо нормы закона, которые изменяли бы порядок прекращения обязательства, судом апелляционной инстанции при рассмотрении спора не проверялись.

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 мая 2020 г. № 38-КГ20-1

20 сентября 2015 г. ООО «Н.» направило З. уведомление о новом кредиторе, в котором также содержалось требование о досрочном возврате суммы кредита в размере 383 916,02 руб. в течение 10 дней с момента получения данного уведомления.

Таким образом, истец реализовал свое право на истребование у ответчика досрочно всей суммы кредита и процентов, что соответствует условиям кредитного договора от 13 августа 2012 г. и положениям пункта 2 ст. 811 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ (далее — ГК РФ).

При таких обстоятельствах срок исковой давности по платежам со сроком наступления после сентября 2015 года подлежал исчислению с момента неисполнения ответчиком требования истца о досрочном возврате всей суммы задолженности.

Кроме того, суд апелляционной инстанции не учел, что обращение ООО «Н.» к мировому судье с заявлением о выдаче судебного приказа в отношении суммы долга в размере 20 000 руб. не могло быть основанием для изменения порядка исчисления срока исковой давности по требованию, превышающему сумму взыскания по судебному приказу (100 000 руб.).

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 5-КГ20-27

Рассматривая дело по иску КБ «У.» АО к Х. о взыскании долга по кредитным договорам, суд первой инстанции во втором абзаце на четвертой странице решения указал, что находит исковые требования подлежащими удовлетворению, поскольку описанные в иске обстоятельства подтверждаются представленными в материалы дела доказательствами и расчетами, составленными в соответствии с условиями кредитного договора, не оспоренными в надлежащем порядке.

Однако уже в следующем абзаце решения говорится, что суд считает, что истец не представил доказательств нарушения его прав Х., что иск заявлен к ненадлежащему ответчику, а потому исковые требования не подлежат удовлетворению.

Суд апелляционной инстанции, оставляя это решение без изменения, какой-либо оценки названному противоречию не дал.

Кроме того, поскольку истцом в ходе рассмотрения дела было заявлено о подложности представленных договоров перевода долга, это

⁵ Российская газета. 6 февраля 1996 г.

заявление подлежало проверке судом первой инстанции путем сопоставления данных договоров с другими установленными судом доказательствами, исследования правильности содержания и оформления документов, назначения в необходимых случаях экспертизы, разъяснения сторонам необходимости представления новых доказательств и т.д. (ст. 186 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁶, п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции»⁷).

Также в нарушение принципа состязательности и процессуальных правил принятия решения суда, требований к его содержанию суд первой инстанции не дал вообще никакой оценки доводам истца о дополнительных соглашениях к кредитным договорам, заключенных между КБ «У» АО и Х. после якобы имевшего место перевода долга, и поведению ответчика, дающему основание полагаться на то, что обязанным по договору кредита является именно он (внесение им сумм в погашение кредита, подача заявления о реструктуризации долга и т.п.).

Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 36-КГ20-1

Разрешая спор, суд апелляционной инстанции руководствовался положениями пункта 3 ст. 61⁶ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁸ (далее – Закон о банкротстве), в соответствии с которыми кредиторы и иные лица, которым передано имущество или перед которыми должник исполнял обязательства или обязанности по сделке, признанной недействительной на основании пункта 1 ст. 61², пункта 2 ст. 61³ Закона о банкротстве и ГК РФ, в случае возврата в конкурсную массу полученного по недействительной сделке имущества приобретают право требования к должнику, которое подлежит удовлетворению в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве).

При этом суд не учел, что в статье 2 Закона о банкротстве определено, что для целей настоящего Федерального закона должником является «гражданин, в том числе индивидуальный пред-

приниматель, или юридическое лицо, оказавшиеся неспособными удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение срока, установленного настоящим Федеральным законом», а кредиторами – «лица, имеющие по отношению к должнику права требования по денежным обязательствам и иным обязательствам, об уплате обязательных платежей, о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору».

Таким образом, понятия «должник» и «кредитор» в рамках дела о банкротстве не тождественны понятиям «должник» и «кредитор», используемым в ГК РФ.

При таких обстоятельствах для применения к возникшим правоотношениям пункта 3 ст. 61⁶ Закона о банкротстве должником по кредитному договору должно являться ОАО «С.», а кредитором – ООО «П.», что не соответствует фактическим обстоятельствам дела, в связи с чем судом апелляционной инстанции применен закон, не подлежащий применению к сложившимся правоотношениям.

Определения Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 5-КГ20-8, от 30 июня 2020 г. № 5-КГ20-54-К2

Функции контроля в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма банк осуществляет в публичных интересах, во исполнение обязанностей, возложенных федеральным законом и принятыми в соответствии с ним нормативными актами, а не на основании договора с клиентом.

Осуществление кредитной организацией указанной выше публичной функции не может использоваться в частноправовых отношениях в качестве способа извлечения выгоды за счет клиента в виде повышенной платы за совершение операций с денежными средствами, которые кредитной организацией признаны сомнительными, поскольку это противоречит существу правового регулирования данных отношений и не предусмотрено ни Законом № 115-ФЗ, ни иными нормативными актами.

В связи с этим возложение на клиента банка расходов по проведению подобного контроля, в том числе путем установления специального тарифа при осуществлении банковских операций в зависимости от того, являются ли они следствием такого контроля, недопустимо.

⁶ Российская газета, 20 ноября 2002 г.

⁷ Российская газета, 2 июля 2008 г.

⁸ Российская газета, 2 ноября 2002 г.

Правосознание и правопонимание

В 2020 году вышла книга первого заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации Петра Павловича Серкова «Правоотношение. Нравственность современного правового регулирования», ставшая продолжением масштабного исследования темы правоотношения¹. Одно из трех предисловий к ней написал доктор психологических наук, профессор, руководитель лаборатории психологии Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени П.В. Сербского Ф.С. Сафуанов, отметивший, что автор монографии, рассматривая нравственный компонент механизма правоотношений, «возвращает живого «земного» человека с его сложной психологией, эмоциями, чувствами, мотивами в ткань юридических теорий». В свою очередь, И.А. Исаев, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), обратил внимание на мысль автора о том, что конкретика рождающегося правоотношения часто выливается в форму государственного психического принуждения. «Взаимность и паритетность... являются базовыми, которые могут обеспечить правоотношению гуманистические черты», — пишет в связи с этим И.А. Исаев. Наконец, в третьем предисловии В.Н. Синюков, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе МГЮА, характеризует творчество автора как «сопоставление классической правовой доктрины со здравым смыслом судьи».

По мнению редакции, три разных предисловия — с позиций теоретика, историка и психолога —

уже говорят о незаурядности вышедшего труда. Мы планируем провести серию конференций по темам, поднятым Петром Павловичем Серковым, с участием представителей судейского сообщества и науки и, конечно, рассказать о них на страницах журнала «Судья».

А пока что представляем читателям цитату из параграфа 6 главы 3 «Правосознание и правопонимание как категории правовой теории» с твердой уверенностью в том, что эта книга будет востребована и найдет не только своего читателя, но и последователя, а может быть, даже оппонента.

«Далеко не каждый субъект механизма конституционных правоотношений знает определенное дееспособности, но эта констатация не меняет **юридической** сути правосознания. Уже отмечалось, что дееспособность стала неотъемлемо присущей человеку еще до начала юридизации социальной жизни. Это значит, что она **не введена специально**, как это произошло с правосубъектностью и правоспособностью, а **выявлена** юридической наукой в качестве категории, **непрерывно** функционирующей в реалиях социальной «родоплеменной) и правовой действительности. Соответственно, в отличие от названных категорий дееспособность по своей природе «работает» не на свое толкование. За ее счет формируются «чувственные и мыслительные образы» как реального нравственного правоисполнения, так и безнравственного неисполнения идейного содержания правовых норм и их государственного психического принуждения. Отсюда следует, что в сущности дееспособности, занимающей четко определенное место в механизме каждого возникшего и развивающегося правоотношения, сокрыты **истоки динамики** правосознания.

Таким образом, дееспособность находится в основании субъективных правосознательных ценностных ощущений, формирующих весь **уклад жизни** отдельно взятого человека. Их совокупность, по существу, образует реалии правовой действительности, т.е. неоднократно упоминаемое **сущее** в соотношении с должным. Результаты выражаются не только в нравственно оправданных, но и в безнравственных действиях, основанных на корысти, гневе и других негативных психологических показателях.

В такой концепции мораль как атрибут сознания психики, управляя нравственным и безнравственным наполнением чувств, эмоций и мотивов, может «тренироваться» посредством организованной правовой социализации».

¹ Серков П.П. Правоотношение. Теория и практика современного регулирования. Часть первая. М., 2018.

Субсидиарная ответственность и наследство контролирующего должника лица

Петр Мечиславович Морхат
Арбитражный суд Московской области,
судья,
доктор юридических наук
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируется рассмотренное Верховным Судом Российской Федерации актуальное резонансное дело касательно возможности взыскания субсидиарной ответственности с наследников контролирующего лица. Автор исследует доводы сторон и позицию судов и делает вывод о плюсах и минусах предлагаемого подхода с точки зрения специфики доказательственного процесса, а также достижения баланса интересов сторон.

Ключевые слова: банкротство, субсидиарная ответственность, контролирующее лицо, наследственная масса, деликтная ответственность

Subsidiary liability and inheritance of a debtor's controlling person estate

Petr Mechislavovich Morkhat, Commercial Court of the Moscow Region, Judge, Doctor of Laws, Moscow, Russia

Annotation: The article analyzes a topical high-profile case which has recently been examined by the Supreme Court of the Russian Federation and is related to the possibility of recovery from heirs of a deceased person by engaging their subsidiary liability. The author studies the parties' arguments and draws conclusions as to the advantages and disadvantages of the approach suggested from the point of view of the particularities of the process of proving the facts and from the point of view of ensuring fair balance among the parties' interests.

Keywords: insolvency, subsidiary liability, controlling person, deceased's estate, liability for damage

Правовые
и правовые

На фоне общего снижения объема погашаемых должниками требований кредиторов (с 6,3% в 2018 до 4,7% в 2019 году¹) правовой институт субсидиарной ответственности становится одним из ключевых инструментов для пополнения конкурсной массы. С его помощью удается взыскать лишь малую часть долгов и удовлетворить требования конкурсных кредиторов. В связи с этим неудивительно желание кредиторов максимально расширить возможности использования института субсидиарной ответственности. В данном контексте крайне интересен получивший широкий резонанс спор, в котором кредиторы пытались взыскать суммы субсидиарной ответственности с наследников контролирующего должника лица².

Фабула дела

Основным видом деятельности общества-должника являлось хранение нефтепродуктов. В 2015 году должник утратил нефтепродукты, полученные от поклажедателей, что привело к взысканию кредиторами убытков с должника и дальнейшему банкротству. В соответствии со свидетельскими показаниями нефтепродукты выбыли из-под контроля должника в результате незаконных действий заместителя генерального директора должника М.А. Шефера, погибшего 16 ноября 2015 г. в результате дорожно-транспортного происшествия.

В рамках дела о банкротстве конкурсный кредитор должника обратился в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности в общей сумме 273,4 млн руб. солидарно в субсидиарном порядке бывшего руководителя должника С.М. Руденко (в полном объеме) и наследников бывшего заместителя генерального директора должника (в пределах наследственной массы).

¹ См.: <https://fedresurs.ru/news/843f8484-ba9c-42db-a3b7-bad503d21d8e?attempt=1>

² См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2019 г. № 303-ЭС19-15056 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

Позиция нижестоящих судов

Суды трех инстанций пришли к выводу о привлечении С.М. Руденко к субсидиарной ответственности за доведение должника до банкротства, поскольку бывший руководитель не организовал работу предприятия и не осуществлял надлежащий контроль за действиями своего представителя (М.А. Шефера), что в результате привело к выбытию нефтепродуктов из-под контроля должника и неисполнению им своих обязательств перед контрагентами по основному виду деятельности.

При этом суды отказали в удовлетворении заявления в части привлечения наследников М.А. Шефера к субсидиарной ответственности по обязательствам должника в пределах наследственной массы. Суд первой инстанции исходил из того, что данные требования неразрывно связаны с личностью М.А. Шефера, в связи с чем на его наследников не может быть возложена обязанность по возмещению убытков в порядке субсидиарной ответственности.

Суды апелляционной инстанции и округа согласились с этими выводами, указав, что субсидиарная ответственность перед кредиторами за доведение до банкротства не может рассматриваться как деликтная, поскольку является дополнительной по смыслу статьи 399 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ).

Конкурсный кредитор обжаловал акты нижестоящих судов в Верховный Суд Российской Федерации. В своей жалобе он настаивал на том, что обязательство М.А. Шефера не относится к числу неразрывно связанных с его личностью и возникло до открытия наследства. Соответственно, оно подлежит включению в наследственную массу. Кроме того, кредитор сослался на тот факт, что бывшая супруга М.А. Шефера была родной сестрой директора должника, участвовала в его деятельности, являлась соучредителем аффилированных с должником компаний и была осведомлена о факте хищения нефтепродуктов.

Таким образом, принципиальными вопросами в данном деле, которые предстояло разрешить Верховному

³ Российская газета. 8 декабря 1994 г.

субсидиарная ответственность
контролирующее лицо
деликтная ответственность

Суду Российской Федерации, стали следующие:

– являются ли обязательства контролирующего должника лица в рамках субсидиарной ответственности неразрывно связанными с его личностью?

– входит ли в наследственную массу долг наследодателя, возникший в результате привлечения его к субсидиарной ответственности при банкротстве подконтрольного ему лица?

Субсидиарная ответственность как разновидность деликтной ответственности

Следует отметить, что вопрос о возможности привлечения наследников контролирующего должника лица к ответственности по долгам обанкротившегося общества уже неоднократно поднимался в судебной практике. Однако ранее суды в подобной ситуации прекращали производство по делу. Они ссылались на то, что субсидиарная ответственность контролирующего лица неразрывно связана с его личностью и не может передаваться по наследству (п. 1 ст. 418 ГК РФ, п. 6 ч. 1 ст. 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁴). К таким выводам суды приходили в постановлениях Арбитражного суда Поволжского округа от 30 марта 2017 г. по делу № А12-26858/2013, Арбитражного суда Московского округа от 18 октября 2018 г. по делу № А40-130472/17 и др.

Таким образом, суды рассматривают субсидиарную ответственность как разновидность обязательств, которые неразрывно связаны с личностью наследодателя (как, например, получение или выплата алиментов).

Между тем Верховный Суд Российской Федерации в одном из дел постановил, что сумма задолженности по алиментам, подтвержденная решением суда и не оспоренная должником в период его жизни, может быть взыскана с его наследников в пределах стоимости перешедшего к ним имущества⁵.

Примечательно также, что в одном из недавних дел Арбитражный суд Московского округа пришел к выводу, что обязательство конкурсного управляющего по возмещению убытков не является неразрывно связанным с его личностью. Суд подчеркнул, что действующее законодательство не содержит прямого запрета на переход в порядке наследования обязанности возмещения убытков, причиненных арбитражным управляющим при осуществлении им своих полномочий. Взыскание убытков, являющееся мерой ответственности за нарушение прав должника и его кредиторов, причиненных при осуществлении предпринимательской деятельности умершего, не связаны неразрывно с личностью ответчика и могут быть исполнены за счет имущества умершего ответчика его наследниками⁶.

Следовательно, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации придерживается правовой позиции о том, что субсидиарная ответственность является разновидностью деликтной ответственности и, соответственно, не связана с личностью контролирующего лица.

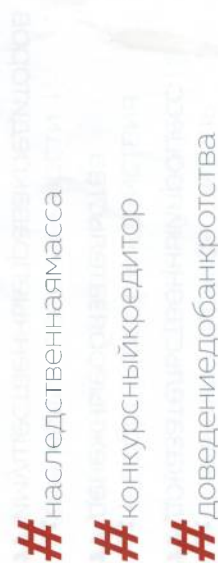
Логика правоприменителя основывается на том, что ключевой в данном случае является не карательная, а компенсационная функция ответственности. Безусловно, контролирующее должника лицо имеет ряд фидуциарных обязанностей перед обществом-должником и должно действовать добросовестно в его интересах. Неисполнение указанных обязанностей влечет соответствующие виды и меры ответственности. Согласно пункту 3 ст. 213³⁰ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁷ (ред. от 2 декабря 2019 г.; далее – Закон о банкротстве), если контролирующее лицо само будет признано банкротом, суд вправе запретить ему занимать должности в органах управления юридического лица либо иным образом участвовать в управлении юридическим лицом.

⁴ Российская газета. 27 июля 2002 г.

⁵ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2016 г. № 45-КГ16-1 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 9 июля 2019 г. по делу № А40-194131/2014 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Российская газета. 2 ноября 2002 г.

Между тем возмещение имущественного вреда кредиторам в случае привлечения к субсидиарной ответственности преследует в первую очередь сугубо экономическую цель компенсации кредиторам понесенных ими убытков. Задолженность контролирующего лица в виде присужденной судом суммы субсидиарной ответственности здесь, в сущности, не отличается от иных долгов лица, которые входят в его наследственную массу. Таким образом, важно разделять сами действия контролирующего должника лица, в результате которых наступили признаки объективного банкротства подконтрольного ему общества и в совершении которых есть его вина, и имущественное содержание ответственности за эти действия в виде конкретных сумм субсидиарной ответственности. В связи с этим данные суммы правомерно взыскать с наследников контролирующего лица не в силу того, что они виновны в доведении общества-должника до банкротства, а в силу их обязанности отвечать по обязательствам должника в случае принятия ими наследственной массы.

Очевидно, что наследники контролирующего должника лица не должны получать неосновательное обогащение за счет активов, которые неправоммерно сберегло контролирующее лицо, в то время как законные требования кредиторов останутся непогашенными. Но здесь имеется ряд нюансов, которые потенциально могут нарушать баланс интересов сторон и вызывают критику ряда исследователей.

Специфика доказательственного процесса при вступлении в дело наследников контролирующего лица

Наиболее проста и показательна ситуация, когда контролирующее должника лицо умирает уже после вступления в законную силу решения суда о привлечении его к субсидиарной ответственности и взыскании конкретной суммы. Тогда, принимая наследственную массу, наследники фактически принимают и все денежные обязательства наследодателя, включая и обязательство рассчитаться с кредиторами (в пределах наследственной массы). Данная модель по сути аналогична ме-

ханизму возмещения вреда и вызывает меньше всего нареканий на практике.

Между тем возможна и иная ситуация, которая, собственно, и имела место в рассматриваемом случае. Так, суд может привлечь в дело правопреемников контролирующего лица, когда оно не было привлечено к субсидиарной ответственности при жизни и вопрос о его ответственности встал уже позже.

В данной ситуации наследники контролирующего лица фактически выступают стороной по делу и вынуждены включаться в процесс доказывания. Как известно, законодательство о банкротстве, а также судебная практика возлагают достаточно большой объем бремени доказывания на контролирующее лицо (что справедливо, поскольку это лицо непосредственно имеет отношение к управлению делами компании и может пояснить сущность и мотивы проводимых хозяйственных операций, выбора контрагентов и т.д.). При этом закон закрепляет в отношении контролирующего лица ряд опровержимых презумпций, которые презюмируют его вину в доведении компании до банкротства путем совершения тех или иных действий (бездействия). Доказать правомерность этих действий и отсутствие оснований для привлечения к ответственности должно само контролирующее лицо.

Так, пока не доказано иное, предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств:

- причинен существенный вред имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в его пользу либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника (совершения таких сделок по указанию этого лица), включая сделки, перечисленные в статьях 61² и 61³ Закона о банкротстве;

- контролирующее лицо не передало арбитражному управляющему документы бухгалтерского учета и (или) отчетности, обязанность по ведению (составлению) и хранению которых установлена законодательством Российской Федерации, к моменту вынесения определения о введении наблюдения (либо ко дню назначения временной администрации финансовой организации) либо

доказательственный процесс

денежные обязательства

имущественные права кредиторов

эти документы содержат искаженную информацию, что существенно затруднило проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве⁸;

– контролирующее лицо на дату возбуждения дела о банкротстве не внесло подлежащие обязательному внесению в соответствии с федеральным законом сведения либо внесены недостоверные сведения о юридическом лице в ЕГРЮЛ; и др.

Указанные действия очевидно направлены на затруднение проведения банкротных процедур и могут быть связаны с совершением неправомерных операций, в частности выводом активов, и иных недобросовестных действий контролирующим лицом. Именно поэтому, как подчеркивает Верховный Суд Российской Федерации, предполагается, что непередача документации свидетельствует о наличии причинно-следственной связи между действиями руководителя и невозможностью погашения требований кредиторов⁹.

Безусловно, наследникам контролирующего должника лица будет крайне затруднительно представить арбитражному суду информацию и доказательства, которые смогут опровергнуть описанные выше презумпции, подтвердить добросовестность руководителя при совершении тех или иных сделок или операций и убедить суд в необходимости снизить размер ответственности либо полностью исключить ее.

Кроме того, закон предусматривает и возможность смягчения субсидиарной ответственности в определенных обстоятельствах. Например, суд вправе уменьшить размер субсидиарной ответственности или полностью освободить от нее лицо, если оно докажет, что являлось лишь номинальным руководителем должника, и благодаря предоставленным этим лицом сведениям будет установлено фактически контролировавшее должника лицо и (или) обнаружено скрывавшееся

последним имущество должника и (или) контролирующего должника лица (п. 9 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве). Наследники такого номинального руководителя в большинстве случаев вряд ли будут располагать подобной информацией, а значит, и возможностью снизить сумму ответственности или вовсе избежать ее.

Помимо этого, размер ответственности зависит в том числе от момента наступления так называемого объективного банкротства компании-должника. При этом, как разъяснял Верховный Суд Российской Федерации, если руководитель должника докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности, обстоятельств, названных в абзацах 5, 7 п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве, не свидетельствовало об объективном банкротстве и он, несмотря на временные финансовые затруднения, добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил необходимые усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, то такой руководитель может быть освобожден от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах¹⁰. Однако для доказывания этих обстоятельств, очевидно, необходимо располагать обширным объемом информации о хозяйственной деятельности компании.

Также важно учитывать, что заявление о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности может быть подано в момент, когда наследники уже вступили в наследство. При этом сумма ответственности могла бы оказать существенное влияние на их решение вступить или не вступить в наследство.

Таким образом, перечисленные факторы ставят наследников контролирующего лица в менее выгодное положение по сравнению с кредиторами должника и, соответственно, не позволяют обеспечить справедливый баланс интересов сторон.

⁸ См., например: Морхат П.М. Передача документов бухгалтерского учета как основание для привлечения к субсидиарной ответственности // Судья. 2018. № 4. С. 47–52.

⁹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2019 г. по делу № А41-87043/2015 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лица к ответственности при банкротстве» // Российская газета. 29 декабря 2012 г.

СМЯГЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

НЕДОБРОСОВЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

НОМИНАЛЬНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Позиция Верховного Суда Российской Федерации

Верховный Суд Российской Федерации указал, что субсидиарная ответственность по обязательствам должника является разновидностью гражданско-правовой ответственности и наступает в связи с причинением вреда имущественным правам кредиторов подконтрольного лица. В части, не противоречащей специальному регулированию законодательства о банкротстве, к данному виду ответственности подлежат применению положения глав 25 и 59 ГК РФ (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53).

Из этого следует, что долг, возникший из субсидиарной ответственности, должен быть подчинен тому же правовому режиму, что и иные долги, связанные с возмещением вреда участникам оборота (ст. 1064 ГК РФ). Вопреки выводам судов, не имеется каких-либо оснований считать, что обязанность компенсировать свое негативное поведение (возместить кредиторам убытки), возникающая в результате привлечения к субсидиарной ответственности, неразрывно связана с личностью наследодателя. Равным образом законодательство не содержит запрета на переход спорных обязательств в порядке наследования.

Таким образом, Судебная коллегия пришла к заключению, что долг наследодателя, возникший в результате привлечения его к субсидиарной ответственности, входит в наследственную массу. Иное толкование допускало бы возможность передавать наследникам имущество, приобретенное (сохраненное) наследодателем за счет кредиторов незаконным путем, наделяя в то же время такое имущество иммунитетом от притязаний кредиторов, что представляется несправедливым.

Исходя из этого, для реализации права кредитора на судебную защиту не имеет значения момент предъявления и рассмотрения иска о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности (до или после его смерти). В последнем случае иск подлежит предъявлению либо к наследникам, либо к наследственной массе (при банкротстве умершего гражданина — § 4 главы X Закона о банкротстве) и может быть удовлетворен только

в пределах стоимости наследственного имущества (п. 1 ст. 1175 ГК РФ). При этом не имеет значения, вошло ли непосредственно в состав наследственной массы то имущество, которое было приобретено (сохранено) наследодателем за счет кредиторов в результате незаконных действий, повлекших субсидиарную ответственность. То обстоятельство, что на момент открытия наследства могло быть неизвестно о наличии соответствующего долга наследодателя, также само по себе не препятствует удовлетворению требования, поскольку по смыслу разъяснений, изложенных в пункте 58 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»¹¹, под долгами наследодателя понимаются не только обязательства с наступившим сроком исполнения, но и все иные обязательства наследодателя, которые не прекращаются его смертью. Следовательно, риск взыскания долга, связанного с привлечением к субсидиарной ответственности, также возлагается на наследников.

Также Верховный Суд Российской Федерации особо подчеркнул, что применение к субсидиарной ответственности при банкротстве положений статьи 399 ГК РФ является ошибочным. Названной статьей урегулирована ответственность дополнительная, в то время как субсидиарная ответственность, предусмотренная Законом о банкротстве, является самостоятельной (основной) ответственностью контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица.

В связи с этим Верховный Суд Российской Федерации направил дело на новое рассмотрение.

Таким образом, высшая судебная инстанция прямо закрепила важный для правоприменительной практики подход о том, что обязательства контролирующего должника лица в рамках его привлечения к субсидиарной ответственности не связаны с личностью такого лица и подлежат включению в его наследственную массу. В связи с этим наследники контролирующего должника лица отвечают по таким обязательствам в пределах принятой ими наследственной массы. □

¹¹ Российская газета. 6 июня 2012 г.

взыскание долга
негативное поведение
дополнительная ответственность

Реализация Концепции информационной политики судебной системы в период пандемии

Гульнара Хамитовна Вяселева
Судебный департамент при Верховном Суде
Российской Федерации,
заместитель руководителя пресс-службы
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается практика организации работы пресс-служб судов и системы Судебного департамента в период пандемии, а также механизмы доступа к информации о деятельности судов, минимизирующие риски распространения коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: пресс-служба, суд, судебная система, информационная политика, видео-конференц-связь, вебинар, Судебный департамент, ГАС «Правосудие», социальные сети, мессенджеры, интернет-сайты

Implementation of the Concept of information policy of the judicial system in the times of the pandemic

Gulnara Khamitovna Vyaseleva, Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, Deputy Head of Press Service, Moscow, Russia

Annotation. The article studies the practice of the organisation of the work of court press services and of the system of the Judicial Department in the times of the pandemic, as well as the mechanisms ensuring access to information about courts' activities which minimize the risks of the spread of the coronavirus infection.

Keywords: press service, court, judicial system, information policy, video-conference calls, webinar, Judicial Department, State automated system « Justice », social networks, messengers, Internet websites

В декабре 2020 года исполнился год с момента принятия Советом судей Российской Федерации Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (далее – Концепция)¹.

Меры, принятые в соответствии с указами Президента Российской Федерации, постановлениями Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации в целях противодействия распространению новой коронавирусной инфекции, позволили в сжатые сроки адаптироваться к изменившимся обстоятельствам и создать необходимые санитарно-эпидемиологические условия для выполнения стоящих перед судебной системой задач, в том числе обеспечить доступ граждан к информации о деятельности судов.

Благодаря внедрению в деятельность судебной системы информационных, программных и технических решений ГАС «Правосудие», начавшемуся еще в 2007 году, и своевременной поставке новейшего оборудования в настоящее время все федеральные суды общей юрисдикции оборудованы комплектами видео-конференц-связи (далее – ВКС). Это дало им возможность в период пандемии использовать информационные технологии и с необходимым качеством обеспечить проведение судебных заседаний в дистанционном режиме.

Так, в 2020 году бесперебойно проводились многоточечные сеансы ВКС на сервере ФГБУ ИАЦ Судебного департамента на платформе ГАС «Правосудие»: в ручном режиме проведено 1352 сеанса, что на 268% больше показателя прошлого года (367 сеансов), в автоматизированном режиме – 8312 сеансов, или на 116% больше, чем в прошлом году (3833 сеанса)².

Вместе с этим возможности ВКС по количеству точек подключения являются ограниченными. Для обеспечения доступа широкой общественности, в том числе представителей средств массовой информации, к информации о деятельности судов пресс-службы судов вели

трансляции судебных заседаний, используя с этой целью различные площадки. По нашим данным, наиболее популярными стали социальная сеть «ВКонтакте» и каналы в мессенджере «Telegram». Также записи судебных процессов размещались на видеохостинге YouTube.

Интересным является опыт объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга, которая в период пандемии запустила свою систему (не на площадке ГАС «Правосудие»), позволяющую вести аудиопрокол и записывать видео процесса, так что обе записи оказываются доступными сразу по окончании судебного процесса. Трансляция в Сети возможна с любого количества камер. Средства массовой информации могут наблюдать процесс онлайн без подтверждения личности.

Отдельные пресс-службы судов по запросу журналистов самостоятельно осуществляли видеозапись судебных заседаний по наиболее резонансным делам и предоставляли им необходимые материалы.

Однако основным каналом коммуникации судов с широкой общественностью по-прежнему остаются интернет-сайты судов и системы Судебного департамента, которые формируют мнение о работе как конкретного органа, так и судебной системы в целом, а также являются источником сведений для средств массовой информации.

В 2020 году на официальных интернет-сайтах и в собственных изданиях судебного сообщества, доступных широкой общественности, а также в средствах массовой информации размещены более 255 тыс. новостных текстов, 1000 интервью и почти 7000 аналитических материалов о деятельности судов, органов судебного сообщества и системы Судебного департамента. Из них треть подготовлена работниками пресс-служб судебной системы. Несмотря на уменьшение количества информационных поводов в первом полугодии 2020 года, пресс-секретари судов и управлений старались не сбавлять темпы своей работы.

Суды, органы судебного сообщества и управления Судебного департамента после введения ограничительных мер стали использовать новые способы информирования широкой общественности о событиях, связанных с судебной

¹ Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

² Информация по состоянию на декабрь 2020 года.

деятельностью. В частности, количество официальных аккаунтов на площадках социальных медиа выросло до 137.

Отдельные суды пошли дальше и открыли горячие линии. Так, с апреля 2020 года подобная опция появилась в судах Вологодской области. Граждане удобным для себя способом (по телефону, через сообщения «ВКонтакте» или мессенджерах) могли задать вопросы, касающиеся приема документов, движения конкретного дела во всех судах и на судебных участках региона. Горячая линия позволила выстроить работу судов в период пандемии более эффективно, снизить количество жалоб, снять наиболее острые вопросы.

Пресс-секретарями судов и органов Судебного департамента проведено более 500 мероприятий (пресс-конференций, брифингов, круглых столов и т.д.) с участием федеральных, региональных и местных средств массовой информации, в основном с использованием дистанционных технологий.

В зависимости от региона и информационной активности средств массовой информации пресс-службы судов и управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации выработали свои механизмы взаимодействия с прессой в период пандемии. Наиболее распространенными оказались:

– совместные с журналистами чаты в ограниченных по количеству участников группах в мессенджерах («Вотсап», «Вайбер» и др.), где пресс-секретари судов размещают информацию по судебным делам, оперативно отвечают на вопросы, проводят ликбезы с журналистами (опыт пресс-службы Южного окружного военного суда, Управления Судебного департамента в Курской области);

– площадки социальных сетей («ВКонтакте», «Инстаграм» и др.). Например, в официальной группе объединенной пресс-службы судов Вологодской области в социальной сети «ВКонтакте» публикуются новости судов не только региона, но и других субъектов Российской Федерации. Посредством мессенджера велись трансляции судебных заседаний по особо резонансным делам, принимались запросы от прессы. Объединенные пресс-службы судов Республики Коми, Волгоградской, Вологодской, Мурманской областей, г. Санкт-Петербурга,

пресс-центр Свердловского областного суда запустили новую совместную медиаплатформу «ВКонтакте» – SUDNEWS, где размещаются наиболее интересные судебные новости регионов и ведутся прямые трансляции из залов судебных заседаний;

– телеграм-каналы, в которых выкладываются фото-, видеоматериалы, новости, анонсы мероприятий, просветительские и разъясняющие законодательство заметки, ведутся трансляции процессов. Из всех каналов судов кассационной и апелляционной инстанций, областного звена наибольшее число подписчиков собрал канал объединенной пресс-службы судов Санкт-Петербурга. Материалами, размещаемыми здесь, пользуются практически все федеральные СМИ при освещении громких процессов;

– постоянные рубрики, блоки на страницах региональных печатных изданий. В рамках такого публицистического формата пресс-службы рассказывают о судьбах людей, освещают острые вопросы, затрагиваемые в ходе рассмотрения конкретного дела в суде (например, пресс-служба Архангельского областного суд наполняет постоянную рубрику «Закон и мы» в газете «Правда Севера»; пресс-служба Тюменского областного суда публикует ежеквартальную тематическую полосу «ФЕМИДА» в газете правительства области «Тюменская область сегодня»; пресс-служба Управления Судебного департамента в Тульской области ведет специальные рубрики в газетах «Молодой коммунарь» («Право – Криминал»), «Тула» («Дела судебные»), «Тульские известия» («Дело №» и «Территория закона»), «Слобода» («Дежурная часть»), «КП» в Туле» («Приговор»), «АиФ» в Туле» («В суде»)).

Суды стали активно применять технические средства для организации и проведения обучающих мероприятий. Данный подход оказался очень востребован, так как позволяет экономить время и средства, избежать нарушений санитарных норм, и, в частности, использовался центральным аппаратом Судебного департамента для повышения квалификации государственных гражданских служащих судов и управлений. С марта 2020 года по настоящее время состоялось 15 вебинаров, техническое

коммуникация судов

судебный процесс

информационные технологии

сопровождение которых осуществляло ФГБУ ИАЦ Судебного департамента и в которых приняли участие более 4000 слушателей. Кроме того, обучающие вебинары проводились ФГБУ ИАЦ Судебного департамента и его филиалами. В 2020 году прошло 53 вебинара, на которых присутствовало свыше 5500 слушателей.

Одним из самых многочисленных по количеству слушателей стал двухдневный вебинар для пресс-секретарей «Вопросы организации работы пресс-служб судов и управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации».

В нем приняли участие более 400 пресс-секретарей судов общей юрисдикции кассационной и апелляционной инстанций, областных и равных им судов, окружных (флотских) военных судов, федеральных арбитражных судов, районных, гарнизонных военных судов, органов Судебного департамента.

Видеозапись вебинара, демонстрационные и методические материалы в электронном виде направлены участникам для дальнейшего использования в работе, а также распространения в районные (городские) суды.

В качестве спикеров выступили члены комиссии Совета судей Российской Федерации по связям с государственными органами, общественными организациями и средствами массовой информации, работники Управления по взаимодействию с общественностью и СМИ Верховного Суда Российской Федерации, центрального аппарата Судебного департамента, объединенных пресс-служб судов, представители журналистского, научного, экспертного сообществ.

В период пандемии более активно стали развиваться совместные проекты с федеральными средствами массовой информации, направленные на освещение деятельности судов, в том числе предоставление сведений о прошедших судебных заседаниях, разъяснение сложных вопросов, возникающих в судебной деятельности, ведение в СМИ постоянных рубрик, блоков судебной информации. Судебный департамент в течение года прорабатывал вопрос медийного сопровождения судебной деятельности и развития информационного взаимодействия с электронными и печатными изданиями.

В настоящее время Судебный департамент приступил к реализации проектов по публикации в средствах массовой информации материалов архивных и резонансных судебных дел. События прошлых лет, особенности доказательственной базы, рассмотренной в суде, показания свидетелей и характеристики личностей преступников описываются с использованием иллюстративных фото-материалов. На страницах изданий также планируется публиковать эксклюзивные новостные материалы о событиях и мероприятиях, прошедших в регионах и имеющих федеральное значение.

Возможность реализации подобных проектов была рассмотрена на заседании комиссии Совета судей Российской Федерации по взаимодействию с государственными органами, общественными организациями и средствами массовой информации. Члены комиссии положительно оценили и поддержали данную инициативу.

С целью соблюдения ограничительных мер, связанных с угрозой распространения коронавирусной инфекции, для журналистов, освещавших в 2020 году пленарные заседания Совета судей Российской Федерации, был организован временный пресс-центр с онлайн-трансляцией мероприятия на площадке Судебного департамента. Подобный формат работы использовался впервые и был позитивно оценен как представителями судейского сообщества, так и журналистами.

В заключение хотелось бы отметить, что 2020 год был сложным, но при этом насыщенным и в своем роде уникальным. Семимильными шагами развивались информационные технологии, менялся устоявшийся в структурах власти стиль и режим работы. Судебная система сумела быстро и качественно адаптироваться к новым реалиям. Не прерываясь ни на один день, суды принимали процессуальные решения и тем самым обеспечивали законность, охрану прав и свобод граждан на территории страны. Всего этого удалось добиться благодаря усилиям руководства судебной системы, планомерному развитию электронных сервисов в судах, а также слаженной работе судей и работников аппаратов судов и системы Судебного департамента.

информационные технологии
печатные издания
дистанционные технологии
механизмы взаимодействия